

ОГОНЁК

№ 5 ЯНВАРЬ 1966

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

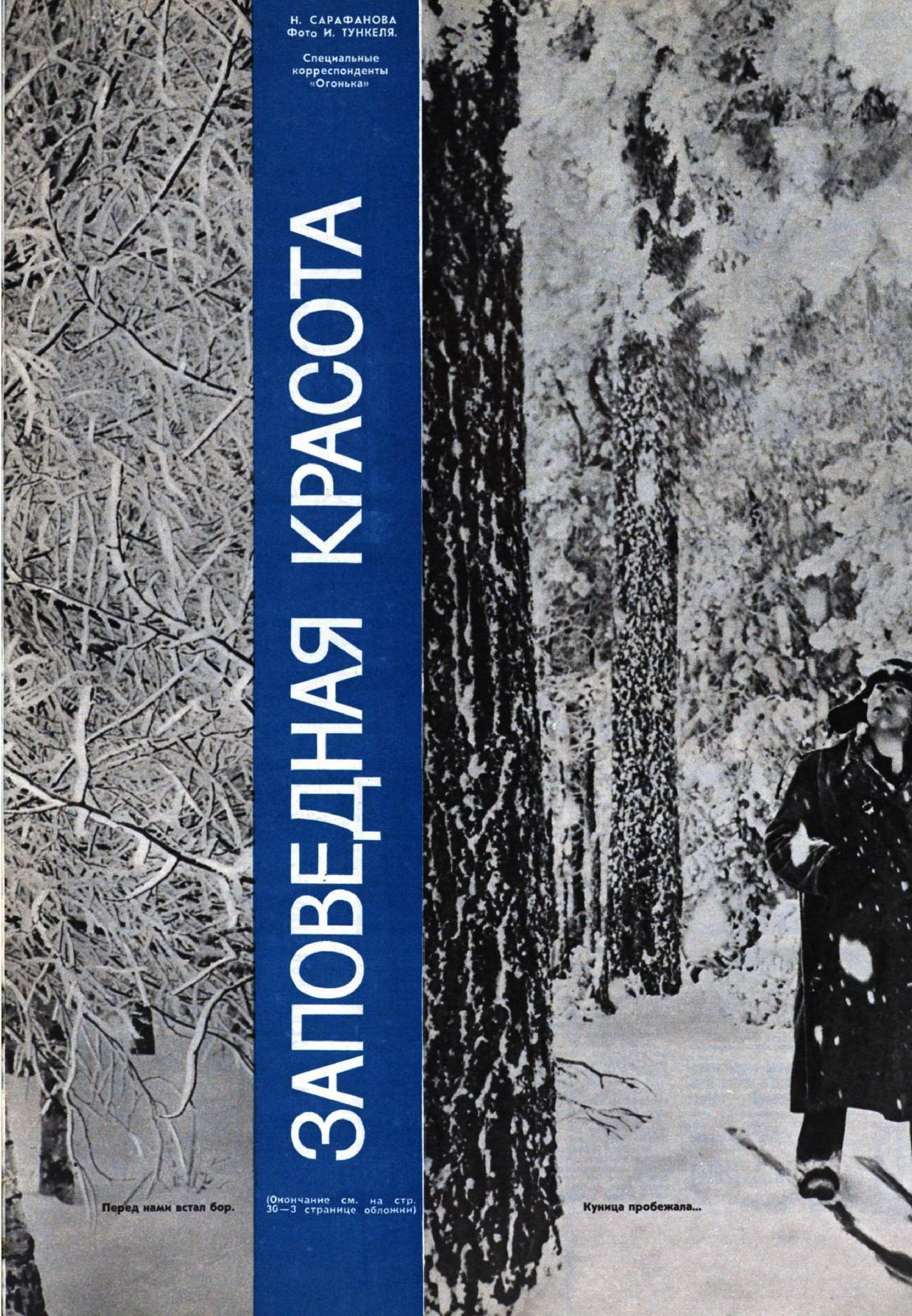
Товарищу Огоньку
привет!
Ромэн Роллан
29 января
1936



Н. САРАФАНОВА
Фото И. ТУНКЕЛЯ.

Специальные корреспонденты «Огонька»

ЗАПОВЕДНАЯ КРАСОТА



Перед нами встал бор.

(Окончание см. на стр. 30—3 странице обложки)

Куница пробежала...



Михаил Нурлыгаянов — ветеран томской нефтеразведки.

Фото В. Ефименко.

СЕВЕР

ПОТЕСНИСЬ, СИБИРСКИЙ СОБОЛЬ!

Сибирскому соболю, три с половиной века господствовавшему в гербе Томска, скоро придется потесниться и уступить место нефтяной вышке. Сейчас началась подготовка к «премьере» томской нефти: она пойдет летом из Нарыма по Оби в танкерах до Новосибирска, где

ЛЕТОПИСЬ ПРЕДСЪЕЗДОВСКИХ ДЕЛ

и вольется в транссибирский магистральный нефтепровод Башкирия — Иркутск.

Разворот работ пришелся на предсъездовскую пору, на начало новой пятилетки, и это придало всем делам особый размах и накал. Я знаю Томск без малого тридцать лет, но никогда еще не бился так учащенно пульс тихого студенческого города. В одном из томских учреждений появился даже плакат, напоминивший фронтовые: «Товарищ! Что ты сделал для нефтяников?»

Вот томская хроника самых последних дней.

Ученые вузов организовали на общественных началах научно-исследовательский институт нефти и газа.

Речники Оби заверили, что вывезут сто тысяч тонн северной нефти вне и сверх всяких планов, только подайте ее к берегу.

Областная газета «Красное знамя» начала печатать еженедельный спецвыпуск — многотиражку «За томскую нефть и газ!».

В самом северном райцентре Александрово, у шестидесятой параллели, создается контора промышленного бурения «Главтюменьнефтегаза».

В Тюмень, «сибирское Баку», выехала группа партийных, советских, хозяйственных и научных работников за опытом.

Из Томска в разведочные экспедиции отправляются кинопередвижки, там открывают магазины, парикмахерские и другие предприятия службы быта.

С тех пор как на Соснинской площади ударил первый нефтяной фонтан, едва минуло три года. Тогда рядом с ней на геологических картах таинственно белели Медведевская и Советская. Теперь месторождение официально именуется: Соснинско-Советско-Медведевское.

На территории Томской области одиннадцать нефтяных скважин и пять газовых. Ворота кладовых уже распахнуты. А геологи убеждают, что найденное — лишь начало открытий. Академик Андрей Трофимук оценивает томские месторождения ничуть не ниже тюменских. Он видит блестящую экономическую перспективу томских запасов в том, что они ближе всех к индустриальному Кузбассу, Новосибирску, к другим сибирским промышленным центрам.

Там, где рождается первый томский нефтепромысел, сейчас трещат сорокаградусные морозы, бушуют выоги. В необитаемом прежде краю белого безмолвия трудится около шести тысяч нефтеразведчиков. Одной из первых пришла сюда бригада Михаила Нурлыгаянова. Этим людям посчастливилось черпать ладонями томскую нефть уже из нескольких скважин. Новый год они встретили на новой скважине «Р-3». Бригада встала на вахту в честь съезда партии. Обязательство: в полтора раза перекрыть плановые скорости проходки. График работ опережается с первых дней.

Д. ЗОЛОТОВ

РЕЙСЫ БЕЗ НОМЕРА...

В этот морозный зимний день в Уфимском аэропорту состоялись необычные рейсы. Рейсы без номера... Самолет набирал пассажиров, взлетал и, сделав несколько кругов в районе города, вновь приземлялся. Кто они, пассажиры, на тридцать минут улетающие в небесную высь, и почему рейсы без номера? Все очень просто. Пассажиры — это строители нового аэровокзала, а рейсы — почетные. Сегодня тут праздник: открытие аэровокзала.

В это красивое, современное здание вложили свой труд рабочие и специалисты разных городов нашей страны — и москвичи, и киевляне, и тбилисцы. Оформители аэровокзала — художественная бригада Московского областного художественного фонда РСФСР.

Двухэтажное сооружение из бетона, стекла, алюминия и мрамора протянулось на 125 метров.

В этом году аэропорт Уфы обслужит гораздо больше пассажиров, чем в прошлом. Вырастет и количество рейсов.

Марат ЦЕБОЕВ

Фото автора.



ЮГ

В ОБХОД ДРЕВНЕГО РУСЛА



Сейчас, когда читаются эти строки, закрытая перемычкой горная река Ингури уже идет по тоннелю в обход своего древнего русла. Это событие в жизни крупнейшей грузинской гидроэнергостройки — Ингури ГЭС — произошло несколько дней назад. Наш корреспондент Ия Месхи беседовала с управляющим трестом «Гидроэнергострой» Вахтангом Георгиевичем Нижарадзе.

— Почему для перекрытия выбран январь?

— К этому времени мы смогли закончить тоннель, в который отводится река. Но есть другая, главная причина: в это время года Ингури наполнена слабо, и с ней легче справиться, чем в половодье, когда она с огромной высоты несет в секунду две с половиной тысячи кубометров воды. Пока вода не начала прибывать в реке, уже действующая перемычка будет достраиваться, укрепляться и расти, чтоб встретить паводок во всеоружии.

— В какой этап вступила сейчас стройка?

— Начали разрабатывать котлован для фундамента арочной плотины. Это будет самая высокая из плотин такого типа. Чтоб поставить ее, придется рыть основание в сорок метров глубиной и вынуть со дна Ингури четыре миллиона кубометров скал.

— Что за корабль стоит сейчас на Ингури ниже будущей плотины?

— Это обыкновенная драга. Мы решили применить ее на нашей стройке в качестве добытчика инертных материалов: гравия и песка. Здесь, в царстве скал, гравий и песок — большая проблема, а нужны они нам в несметных количествах. Поэтому старыми, дедовскими способами такую проблему не решить.

— Плотина будет бетонная?

— Да. Для нее уже строится бетонный завод непрерывного действия. Почему непрерывного? Потому что бетон надо будет укладывать в тело плотины круглые сутки с помощью четырех кабель-кранов. Это, по существу, канатные дороги с ковшами, которые освобождаются в любом месте на протяжении километра. Но до этого еще далеко. «Большой бетон» пойдет у нас в конце следующего года.

Фото М. Квирикашвили.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ



44-й год издания

№ 5 (2014)

30 ЯНВАРЯ 1966

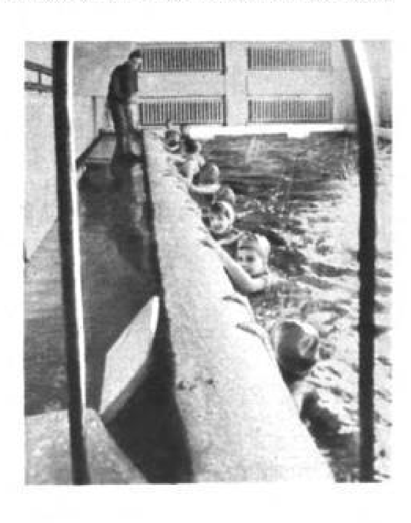
ПОЧЕРК ЭНТУЗИАСТОВ

Сегодня мы публикуем две заметки, присланные из разных мест страны. А тема одна — здесь угадывается почерк энтузиастов, людей с горячим сердцем и ловкими, добрыми руками.

УРОК БРАССА В СЕЛЬСКОЙ ШКОЛЕ

Да, да, и не только брасса! Тут, в латвийском селе Лиелварде, ребятишки изучают и кроль, и дельфин, и другие стили плавания. В собственном бассейне, в собственной школе. И вот как это все произошло...

Летом позапрошлого года выяснилось, что строители новой сель-



ЖИВ В ПАМЯТИ НАРОДНОЙ...

31 января 1966 года исполняется 60 лет со дня трагической гибели выдающегося деятеля нашей партии Ивана Васильевича Бабушкина.

Глухая станция Мысовая Кругобайкальской железной дороги. У забора остановилась группа людей, окруженная плотным кольцом солдат и казаков. Начальник конвоя подполковник Заботкин выхватил из ножен шашку, рубанул ею воздух: «Больше трех патронов не тратить! Проверить винтовки!»

Заботкин подошел к пленникам. Ткнул шашкой слесаря Бялых. «Фамилия?» «Не скажу!» «Фамилия?» — спросил подполковник телеграфиста Ермолаева. «Русский пролетарий!» — прозвучало в морозном воздухе. «Фамилия?» — повернулся Заботкин к другому телеграфисту, Клюшникову. «Не твое собачье дело!» — отрезал тот. «Фамилия?» «Забыл. У ветра спроси!» — с издевкой отозвался слесарь Савин. «Фамилия?» — рявкнул взбешенный подполковник, подойдя к Бабушкину. «С палачами не знакомлюсь!» — И Бабушкин плюнул в глаза Заботкину.

Подполковник, вне себя от ярости, прокричал слова команды. Но выстрелов не последовало. Четырнадцать винтовок — четырнадцать осечек... «Пли!» — вновь проревел подполковник. И снова пустое клацанье затворов. «Сволочи! — прохрипел Заботкин. — Хамье! Почему не проверили смазку?»

Но дело было не в смазке. Смятение солдат, пораженных мужеством большевиков, — вот что было истинной причиной осечек...

Наконец прогрохотали выстрелы, нестройно, торопливо.

Так сложили свои головы Иван Васильевич Бабушкин и его друзья. Не удалось им довести до конца боевое задание Читинского комитета большевиков — доставить транспорт с оружием восставшим рабочим Иркутска. На станции Выдрино, совсем недалеко от цели, товарный состав, в котором ехали посланцы революционной Читы, был захвачен карателями барона Меллера-Закомельского, которого Николай II послал на «замирение Сибири». Бабушкин и его товарищи были брошены в вагон смертников, прицепленный к поезду карателей. Около шести часов вечера состав Меллера-Закомельского остановился на станции Мысовая. Пока меняли локомотив, барон велел расправиться со «смутьянами».

Они встретили смерть, как жили, — гордо, с презрением глядя в смятенные лица своих палачей...

Живет в народе память о выдающемся революционере Бабушкине: его светлым именем названы город и село, корабль, заводы, улицы, парки, колхозы...

Григорий МИШКЕВИЧ

Расстрел И. В. Бабушкина и его товарищей. С картины художника Б. Окорокова (1958 год).





ВЫШЕ МОНБЛАНА...

Снежные великаны Эльбрус и Коштан-Тау намного превышают по высоте Монблан. Тысячи туристов, горнолыжников и просто любителей природы приезжают на Кавказ, чтобы полюбоваться незабываемой красотой горных ландшафтов, снеговых вершин и глубоких ущелий.

В этом году на горе Чегет на высоте 2 750 метров над уровнем моря, открылось новое туристское кафе «Кругозор».

Первую партию туристов приняла самая высокогорная в мире турбаза «Иткол». Сооружение из стекла, бетона и алюминия возведено в сосновом бору. Здесь можно получить напрокат спортивное снаряжение, проконсультироваться у опытных инструкторов. Рядом с турбазой завершается строительство двух хоккейных стадионов и большого катка.

На снимке: столовая турбазы «Иткол».

Фото Р. Дика (ТАСС).

«МОСКВИЧ» В ТРОПИКАХ

Морской паром «Советский Азербайджан» подошел к Красноводску. На этот раз, кроме обычных грузов, через раскрытую корму выехали три «Москвича-408» с необычными номерами. На каждом надпись: «Проба».

«Москвичи», прибывшие в Красноводск, проходили государственные испытания. Модель «408Ю» предназначена для тропиков — для работы в жару, пыль, в буйные ливни.

Наш путь лежал через пески и такыры Каракумов в Ашхабад, а затем в Батуми. Здесь наиболее жаркие и влажные районы страны. Здесь и должны проходить испытания.

Всего два дня занял шестисоткилометровый путь по пустыне — два дня там, где раньше караваны верблюдов шли почти месяц!



Позади остался приветливый зеленый город нефтяников Небит-Даг. Гладкий, как паркет, такыр позволяет двигаться с большой скоростью. Но осторожность необходима: глубокие трещины и остатки канав неожиданно появляются из пыли, поднятой машинами.

В Ашхабаде мы провели несколько недель. Проверены тепловые режимы двигателей, температура в салонах... Программа испытаний в жарком сухом климате выполнена.

Теперь едем в Батуми проверять машины во влажном, субтропическом климате Аджарии.

Буйная, могучая зелень. Синее прекрасное море, показавшееся сразу с верхнего поворота крутого шоссе И потоки дождей. Влажность достигала 96 процентов. Такой воздух можно пить!

Испытания закончены. Позади 25 тысяч километров всяких дорог. Сейчас можно сказать: машина хорошая, комфортабельная, сильная, экономичная. Уверенно идет по крутым серпантинам горных дорог; преодолевает песок и бездорожье пустыни; надежно защищает пассажиров и багаж от мельчайшей среднеазиатской пыли и потоков батумского дождя.

Доброго пути, «Москвич»!

А. БРОДСКИЙ

ЛЕГКОЕ, СВЕТЛОЕ, КРАСИВОЕ...

Все произошло, как в сказке... На берег тихой Лугани пришли заводские конструкторы. Посмотрели, прикинули. И вскоре закипела работа. Не успели луганские тепловозостроители оглянуться, как рядом с заводской проходной выросло здание. Легкое, светлое, красивое. Высоко в небо устремился голубой шатер стеклопластиковой крыши. Насквозь светятся стены из стекла и бетона. Так выглядит новый спортивный зал Луганского тепловозостроительного завода.

Его построили рядом с проходной предприятия заводские спортсмены по проекту заводских конструкторов. В зале, который вмещает более 600 зрителей, можно проводить и тренировки и массовые соревнования по всем видам легкой и тяжелой атлетики, по гимнастике, волейболу.

На Луганском тепловозостроительном любят спорт и заботятся о его развитии. Около семи тысяч заводских спортсменов занимается в секциях спортобщества «Заря». Есть среди них и чемпионы города, Луганской области, Украины. А слесарь Александр Кидяев, известный штангист, недавно завоевал серебряную медаль на чемпионате мира в Тегеране, а перед тем — золотую в Софии.

П. ЛАРИН

Фото Л. Азриеля.



ской школы не смогут освоить средства, отпущенные на устройство спортивных площадок. Тогда преподаватель плавания Огрской детской спортивной школы Евгений Синийс предложил сделать площадки силами учеников, а на сэкономленные деньги построить зимний плавательный бассейн. Райисполком и председатель сельхозартели «Лачплесис» Герой Социалистического Труда Э. Каулиньш поддержали эту идею. Нашлись свои проектировщики — специалисты-строители из районного отдела народного образования А. Садовский и Л. Раса. Дирекция школы, правления колхозов «Лачплесис» и «Узвара» выделили дополнительно по тысяче рублей. А ребята во главе с Е. Синийсом вложили свой труд.

И вот заплескалась в зале голубовато-зеленая вода, совсем как в море.

Б. НИЧИПЕРОВИЧ

Фото Ж. Граубица.



Иван Ефимович Тесанов.

Фото П. Резниченко.

ПЛАМЯ В НОЧИ

Морозной январской ночью над Раменками, под Москвой, повисло пламя. Беда пришла в дом Николая Тимофеевича Гололобова. Выйти хозяева не могли: дверь охвачена огнем, а на окнах — железные решетки.

Первым услышал крик о помощи сосед Гололобовых Иван Ефимович Тесанов. Соскочив с кровати, он без пальто выбежал на улицу.

Иван Ефимович схватил топор и стал взламывать прутья решетки. Тем временем подоспели и другие соседи, А. Слубский и Б. Юлочкин. Через несколько минут удалось разъединить несколько прутьев.

Сначала Иван Ефимович вытащил детей — маленького Женю, пятилетнего Сашу, затем Витю, Валерика и Тамару. Последним покинул горящий дом Николай Тимофеевич. Едва он ступил на снег, с грохотом обрушился потолок.

Иван Ефимович и его жена оказали первую помощь пострадавшим детям, отправили их в больницу. Только поздней ночью, когда закончилась битва с огнем, Тесанов почувствовал, что его сильно знобит.

Мы побывали у Ивана Ефимовича в больнице. У него воспаление легких.

— Как дети? — спросил он.

— Здоровы!

— Вот и хорошо. А насчет меня не беспокойтесь, отлежусь — и все пройдет...

Иван Ефимович Тесанов работает мастером-сантехником в гостинице «Украина».

В. НАЗАРОВ



25 января в римском Дворце конгрессов открылся XI национальный съезд Итальянской коммунистической партии. Работа съезда совпала с 45-летием партии, которое широко празднуется всеми трудящимися Италии. Над трибуной президиума съезда гигантское красное полотнище с символом КПИ — серп, молот и пятиконечная звезда. Рядом портреты основателей партии Антонио Грамши и Пальмиро Тольятти.

Вместе с делегатами съезда в зале находятся делегации братских коммунистических и рабочих партий, среди них делегация КПСС во главе с членом Президиума, секретарем ЦК КПСС М. А. Сусловым.

С большим докладом на съезде выступил генеральный секретарь Итальянской коммунистической партии Луиджи Лонго.



Положение в Нигерии остается напряженным. Новое руководство прилагает силы к тому, чтобы сохранить порядок и спокойствие в стране, которую еще недавно лихорадили бурные политические события. На улицах Лагоса патрулируют солдаты.



Народ Индии горячо одобряет назначение на пост премьер-министра Индиры Ганди, видного государственного деятеля страны. На этом снимке, полученном из Дели, вы видите Индиру Ганди, окруженную корреспондентами и депутатами парламента, желающими ей успеха.



В голландском городе Девентере на искусственном катке был проведен чемпионат Европы по конькам. Лавровым венком увенчан лучший скороход континента молодой голландец Ард Схенк. Второе место занял его соотечественник Кеес Феркерк, а бронзовую медаль завоевал советский спортсмен Валерий Каплан.

Фото ЮПИ, ТАСС, АПН.

БЕССИЛИЕ ПОДЛОСТИ

Ева ПРИСТЕР, австрийская журналистка

«Дело Бен Барки» внешне напоминает классический криминальный роман. Однако, по существу, история исчезновения лидера марокканской оппозиции — это грязное политическое преступление.

Мехди Бен Барка, один из руководящих деятелей Национального союза народных сил в Марокко, возглавлявший подготовительный комитет конференции солидарности народов трех континентов, которая недавно закончилась на Кубе, был похищен среди бела дня в самом центре Парижа, на бульваре Сен-Жермен, на глазах у многих людей. До сих пор неизвестно, жив ли он...

Бен Барка активно участвовал в борьбе марокканцев за независимость, против французского колониального владычества, в борьбе, которая 10 лет назад закончилась победой Марокко. После освобождения страны Бен Барка был одно время председателем парламента. Позже политическая обстановка в стране изменилась. Часть тогдашней национально-освободительной партии Марокко «Истикляль» (что значит «Независимость») хотела от формальной независимости перейти к независимости настоящей: провести аграрную реформу, создавать собственную национальную промышленность. Это были левые силы партии «Истикляль», во главе их стоял Бен Барка. Правое же крыло партии, напротив, довольствовалось только формальной независимостью: «знамя, национальный гимн и представительство в ООН». Это и привело к расколу партии. Левые, поддержанные большинством марокканских профсоюзов, создали Национальный союз народных сил, но им пришлось уйти в оппозицию. После смерти короля Марокко Мухамеда V противоречия обострились, Национальный союз народных сил пытались поставить вне закона.

В 1963 году была организована провокация: вскрыли якобы имевший место заговор этой партии. Сотни ее членов и весь кадровый, руководящий состав были арестованы и приговорены к высшим мерам наказания, за исключением некоторых, которым удалось уехать за границу. Среди последних находился и Бен Барка. Вскоре его заочно приговорили к смерти.

Приблизительно год спустя правительство Марокко начало проводить новую политику, которую можно определить как «некоторый поворот влево». Приговоренных и осужденных руководителей и деятелей Национального союза народных сил отпустили на свободу (но между тем об амнистии нигде официально не было объявлено). Прошел слух о включении представителей союза в правительство национального единства, которое предлагал создать нынешний король Марокко Хасан II. Среди людей, намеченных в это правительство, был Мехди Бен Барка. Поговаривали даже о том, что он должен стать премьер-министром.

Продолжавший жить за границей, Бен Барка в принципе не отклонял такого варианта. Он соглашался возвратиться в Марокко и войти в правительство при одном условии, а именно, чтобы было сделано официальное заявление об амнистии, которая уже фактически имела место.

Этот факт является первым парадоксом в «деле Бен Барки». Какой смысл для официального Марокко похищать человека (который был готов в принципе вернуться на родину) и таким образом помешать образованию правительства национального единства, предложенного самим Хасаном II? Вряд ли король был в этом заинтересован.

Итак, 29 октября Бен Барка должен был встретиться в парижском ресторане с несколькими господами, среди которых находились журналисты Фигон и Бернье.

Вскоре выяснилось, что эти мнимые журналисты были связаны с гангстерской группой, которая в течение года терроризировала всю Францию.

Когда Бен Барка намеревался войти в ресторан, около него остановилась машина. На заднем сиденье были трое: Жульен Ле Ни, Пьер Дюбайль и Антуан Лопес. Ле Ни и Дюбайль — члены упомянутой гангстерской группы. Антуан Лопес — бывший владелец публичного дома в Касабланке. В этой роли или еще какой он подружился с целым рядом политических деятелей Марокко, и среди них с министром внутренних дел Уфкиром. Во Франции он появился неожиданно как шеф технической службы парижского аэропорта Орли.

Машина остановилась. Из нее вышли двое

ЗАПАДНОБЕРЛИНЦАМ НАДОЕЛО...

«Тому, кто живет на острове, не следует ссориться с морем» — гласит старая немецкая пословица. Следуя логике, Западный Берлин, лежащий в центре территории ГДР, исходя из своих собственных интересов, должен был бы стремиться к установлению нормальных отношений с Германской Демократической Республикой во всех областях, в том числе и в области науки, культуры, спорта.

Однако любые связи между ГДР и Западным Берлином не по душе правящим кругам Бонна, которые никак не хотят отказаться от попыток использовать не принадлежащий им Западный Берлин для ведения «холодной войны» во всех ее формах. Боннские эмиссары орудуют в Западном Берлине по-прусски: они не очень щепетильны в выборе средств.

Начало 1966 года различного рода незаконные уполномоченные ФРГ в Западном Берлине типа господина Леммера и их приспешники из ХДС решили ознаменовать шумной кампанией против совместного выступления артистов из Западного Берлина, ГДР и ФРГ в сатирическом концерте «В те паршивые двадцатые годы».

Программа концерта включала произведения известных немецких писателей, поэтов и драматургов, таких, как Бехер, Брехт, Вайнерт, Тухольский, Мюзам и другие. В концерте должны были выступить широко известные в ГДР и за ее пределами артистки театра Бертольта Брехта — Гизела Май и Кэте Райхель, а также артист Берлинского драматического театра Рольф Людвиг. При всем желании никто не мог усомниться ни в мастерстве исполнителей, ни в литературно-художественных достоинствах исполняемых произведений.

Местные политические гангстеры пришли в бешенство от мысли, что в Западном Берлине будет выступать «убежденная коммунистка Гизела Май». Мало того, гости из ГДР должны были появиться на сцене «построенного на американские деньги (!) по проекту американского архитектора (!!) и расположенного на аллее имени Джона Фостера Даллеса (!!!) зала Конгресс-халле», что, по мнению правой печати, являлось полнейшим святотатством, так как «оскорбляло память создателей» этого архитектурного сооружения (которое, кстати, за свою несколько странную форму именуется берлинцами не иначе, как «беременная устрица»).

Депутат от ХДС некий Вольф поспешил обратиться в сенат с запросом, совместим ли концерт по своему характеру с местом его проведения и нельзя ли сорвать его, расторгнув договор об аренде помещения по старому, испытанному методу, как это уже было проделано в прошлые годы с концертами С. Рихтера и Д. Ойстраха.

Однако на сей раз коса нашла на камень. Сенат не поддержал ХДС, очевидно, прикинув, что организация травли известных исполнителей принесет ему сомнительные лавры. Правящий бургомистр Брандт заявил, что считает «эту истерическую реакцию неуместной», а сенаторы Штайн и Тойнер сообщили, что помещение для концерта будет предоставлено, а те, кому он не нравится, могут не приходить.

Такая постановка вопроса совершенно вывела из душевного равновесия западноберлинских черносотенцев. Фашиствующие газеты и газетенки концерна Шпрингера призывали своих сторонников сорвать выступление артистов из ГДР, пользуясь «традиционными» средствами, такими, как демонстрации хулиганствующих молодчиков, стрельба в концертном зале из рогаток, метание бомб с сероводородом, выпуск слезоточивого газа из специальных баллончиков в виде дамской губной помады (они услужливо предлагались желающим за 7 марок 90 пфеннигов).

Организаторы погрома были настолько уверены в успехе своей затеи, что заранее самодовольно предупреждали, что, «судя по всему, вечер в Конгресс-халле обещает быть чрезвычайно интересным».

Вечер был действительно чрезвычайно интересен. Публика тепло приняла выступавших артистов, в зале долго не смолкали аплодисменты.

Что же касается погромщиков, то они еще за несколько дней до представления имели возможность убедиться в рискованности своей затеи. Собравшись в количестве 70—80 человек у Конгресс-халле с целью сорвать генеральную репетицию, они встретились лицом к лицу с западноберлинцами, которые пришли туда для того, чтобы выразить свое отношение к намечавшейся провокации. После короткой стычки леммеровская гвардия из «Юнге унион» лишилась подстрекательских плакатов и лозунгов, с которыми она явилась к концертному залу, а затем в довершение всего была разогнана полицией.

События эти симптоматичны для обстановки, складывающейся сейчас в Западном Берлине. На берегах Рейна, очевидно, как и прежде, считают, что Западный Берлин не имеет права жить нормальной жизнью, а должен навсегда остаться «фронтовым городом». Однако такая перспектива мало прельщает самих западноберлинцев. Им надоело быть жителями «фронтового города».

Ю. КОТОВ

Погромщики пытаются сорвать выступление артистов ГДР.



«ЗНАНИЕ — СИЛА»: 40 ЛЕТ!



В январе 1926 года в газетных киосках появился новый журнал, который сразу привлек к себе внимание. Это был «Знание — сила», журнал для подростков. На его страницах были приключения, фантастика, географические очерки, рассказы о путешествиях, статьи по геологии, физике, химии, технике.

И вот на полках 40 годовых комплектов журнала. 40 лет позади. За эти годы с читателями разговаривали известные ученые: Л. Ландау, В. Обручев, А. Ферсман, А. Берг, В. Парин, В. Гнеденко, Л. Зенкевич, О. Вадер; видные конструкторы: А. Туполев, А. Яковлев, Л. Шубенко-Шубин; писатели-фантасты, путешественники, специалисты в самых различных областях науки и техники.

Добрым качеством журнала было стремление заглядывать вперед, стремление подготавливать читателей к будущему.

В 1954 году был выпущен космический номер «Знание — сила». Заглядывая вперед, журнал попытался представить, как развернется в ближайшие годы освоение космического пространства. И хотя, конечно, не все в этом прогнозе оказалось верным, журнал заинтересовал читателей космической темой. Интересно заметить, что среди многих читателей этого номера был и Юрий Гагарин, космонавт номер I.

С первых же лет своего существования журнал стал публиковать много интересных фотографий, карт, важных исторических документов. Редакция сумела сплотить вокруг себя многих интересных художников, которые увлеченно работают, помогая раскрывать перед читателями всю глубину и увлекательность современной науки.

мужчин, сидевших спереди. Они предъявили Бен Барке свои полицейские удостоверения. Затем они предложили ему следовать за ними «для выяснения». Эти двое отнюдь не были гангстерами с фальшивыми полицейскими документами. Они были настоящими французскими полисменами и даже высокими чинами. Первый был шеф отдела по борьбе с наркотиками в Париже мсье Сушон, второй — его заместитель Вуато. Автомобиль, увезший Бен Барку, был служебной машиной парижской полиции.

(Не правда ли, все это слишком похоже на «Трехгрошовую оперу» Бертольта Брехта, в которой тесно сотрудничают гангстеры и полицейские?)

Бен Барка, который знал, что французская полиция за ним наблюдает, как и за многими политическими эмигрантами, сел в машину только потому, что ему предъявили официальное полицейское удостоверение.

Машина подкатила к вилле шефа гангстеров Бушсеша. Бен Барку вывели, он вошел в дом и с тех пор исчез бесследно...

На следствии выяснилось, что Антуан Лопес попросил своих друзей-полицейских оказать ему «маленькую услугу»: помочь с транспортом. Доставив Бен Барку на виллу Бушсеша, он, прежде чем мило распрощаться с полицейскими, позвонил кому-то по телефону. Человек, с которым он разговаривал, был марокканский министр внутренних дел генерал Уфкир, совершенно «случайно» оказавшийся в этот момент в Париже. Ему-то Лопес и доложил по телефону, что Бен Барка доставлен на виллу шефа гангстеров.

Несколько часов спустя после исчезновения Бен Барки встревоженные друзья сообщили о случившемся французским властям. Исчезновение политического деятеля в центре Парижа превратилось в международный скандал. Мать Бен Барки обратилась к президенту де Голлю с просьбой о помощи. Де Голль, который понятия не имел о случившемся, был возмущен и потребовал от полиции энергичных поисков и беспощадного наказания виновных. Лопес был арестован. Бушсеш успел вылететь в Марокко. (Некоторые, правда, утверждают, что он находится в Западной Германии.) Затем были задержаны и другие члены гангстерской банды. Лопес, не желающий стать единственным козлом отпущения, дал некоторые показания. Он сообщил о роли двух полицейских офицеров и о разговоре с Уфкиром. Следователь отдал распоряжение задержать полицейских Сушона и Вуато и обратился в международные судебные инстанции, поставив вопрос о сомнительной роли генерала Уфкира.

На время об этом деле замолчали. О причинах столь странного молчания можно только догадываться. Но вот что писал тогда по этому поводу еженедельник «Нуво Кандид»: «Соединенные Штаты находятся на первом месте в списке тех, кому может пойти на пользу это довольно сенсационное похищение... Между тем не надо думать, что организаторы этой операции специально прибыли из Соединенных Штатов. Скорее всего, они постоянно находятся в районе маленькой деревушки ле Пото. Именно в этой местности расположена американская база «313».

На страницах печати вновь замелькало имя Бен Барки. Во время следствия напали на след Фигона, который участвовал в похищении марокканского деятеля. Полицейские нашли его мертвым в ванне — Фигон якобы застрелился. Очевидно, показания, которые он мог дать, могли кого-то скомпрометировать. Выяснилось также, что во всем этом деле весьма неприглядную роль играли крупные чины французской полиции. Вопрос о следствии по «делу Бен Барки» рассматривается французским правительством под председательством де Голля. В коммюнике, опубликованном после заседания, сказано, что это преступление было организовано из-за границы и что оно произошло при соучастии агентов французских специальных служб и полиции.

Французские власти выдали ордер на арест марокканского министра внутренних дел Уфкира и его двух подчиненных, но международная полиция «Интерпол» отказалась арестовать их из-за «явно политического характера» этого дела.

Французское правительство отозвало своего посла в Рабате Р. Грийе. Марокко приняло решение об отзыве своего посла из Парижа.

Правые круги в Марокко, к которым принадлежит и генерал Уфкир, относятся в высшей степени антипатично к предложению короля «взять немного влево». Устранение Бен Барки было целиком в их интересах. Но совершенно очевидно также, что эти правые не настолько сильны, чтобы на свой страх и риск затеять такую грубую авантюру вопреки желанию короля, без, так сказать, «еще более высокого покровителя».

Бен Барка — бельмо на глазу американских неоколонизаторов. И не только из-за своего влияния в Марокко. Очевидно, ЦРУ хотело устранить его и как председателя Подготовительного комитета конференции трех континентов в Гаване, значение которой для мобилизации освободительных сил нетрудно было предвидеть. Но никакими подлыми методами нельзя сломить международное движение за свободу и независимость. Свидетельство тому — исторические решения Гаванской конференции.

Париж — Вена.

Галина КУЛИКОВСКАЯ

Фото Б. Кузьмина.

ИНЖЕНЕ
УЧ
СЧИТА



Я совсем было собралась распрощаться с Минским тракторным заводом. Моя записная книжка разбухла от фамилий, фактов и особенно цифр. Когда углубляешься в такую сферу производственной деятельности, как экономика, без них не обойтись. А если эти цифры одушевлены, то, кроме благодарности, ничего к ним не испытываешь. Вот некоторые из них.

2 210 и 682. Это рубли. Столько стоит тонна одной и той же быстрорежущей углеродистой стали, из которой делают инструмент. Весь фокус в том, что в первом случае сталь «свежая», так сказать, новенькая, прямо со склада. Во втором случае — переработанная на заводе, полученная из поломанных фрез, пластинок резцов, метчиков. По качеству не уступает первой.

Или: 70 тысяч и... Раньше завод платил за каждый деревянный ящик, в котором приходят из Оренбурга радиаторы, 1 рубль 25 копеек. Ящик выбрасывался. 70 тысяч ящиков в год. Теперь их ремонтируют и посылают обратно. Завод оплачивает только перевозку. Экономия — 24 500 рублей.

Я видела протяжный стан в кузнечном корпусе — в месте, казалось бы, вовсе для него не положенном. Вальцы превращали отходы и клещевину, которые шли на лом, в заготовки для разных деталей.

Я знала, что завод избавляет себя от гигантских штрафов за простои контейнеров. А общий итог оказался таким. С середины 1964 года каждый трактор стал приносить заводу прибыль. Сначала 12 рублей, теперь по 70—80 рублей. А ведь еще совсем недавно, два года назад, трактор был заводу невыгоден, мог пустить его по миру. Продавался за 1 950 рублей, а самому заводу стоил на 16 рублей дороже.

Словом, я задумывалась над тем, которой же из этих цифровых пар отдать предпочтение, как мои замыслы неожиданно спутала встреча с Яковом Алексеевичем Тимошенко, главным инженером завода.

— Да, экономическая служба завода,— согласился он,— имеет немалые достижения. Разработан комплекс мер по экономике материальных и производственных ресурсов. Тут, бесспорно, заслуга Томащука — заместителя директора завода по экономике. Много делает он и по пропаганде экономических знаний. Лекции читает, курсы тут организовал.

Тимошенко машинально что-то написал на бумаге и резко подвел черту:

— Однако вопросы подготовки производства, связанные с качеством, надежностью и долговечностью, не встречают с его стороны поддержки. В то же время решение этих проблем может принести народному хозяйству огромный эффект. Завод и проигрывает иногда, в убыток это ему, а вся страна выигрывает. Возьмите историю с передней осью. Никак не хотел ее менять. Другая конструкция, правда, увеличивала трудоемкость, зато государству прибыль— 50 миллионов. Томащук все сопротивлялся. С нового года переходим наконец на литую ось.

Пятьдесят миллионов — сумма нешуточная! И упрек заместителю директора нелегкий. Мне больше ничего не оставалось делать, как открыть вторую свою записную книжку и начать заполнять первую ее страницу.

* * *

Владимир Семенович Томащук родился в тихом старинном Тульчине. В нем никогда не строили машин. В семье никто не имел ни малейшего отношения к инженерной профессии, а мальчишка чуть ли не с пеленок бредил автомобилями и моторами. Не только ездить на них, не только управлять ими, а выдумывать их и делать! С годами детское увлечение не прошло. Поступил в Киевский политехнический институт. Увлекался деталировкой и расчетами. С наслаждением чертил все проекты и сдавал их только досрочно и только на пять. В 1952 году в Минск, на тракторный завод, прибыл молодой специалист. То, к чему стремился, достигнуто: он работал в отделе главного конструктора, участвовал в создании трелевочного трактора, который и по его в том числе чертежам выпускает сейчас Алтайский завод. А потом часовая стрелка времени, работавшего на Томащука, будто остановилась. Во всяком случае, так казалось ему, когда его избрали комсоргом завода.

После работы в комитете комсомола он не вернулся в отдел главного конструктора, а попал в цех опытного производства. Начальником. Этот цех был тесно связан с любимым делом. Здесь впервые воплощалось в металл то, что рождалось на ватмане. На экспериментальных образцах определялось будущее новых тракторов: быть им или не быть? Томащук постиг тут весь процесс создания машины. Может быть, поэтому выбор и пал на него, когда жизнь подготовила ему очередной сюрприз? Сталось так, что главный экономист завода защитил диссертацию и ушел на другую работу.

Совнархоз очень долго не утверждал на это место Томащука. Инженер-механик по образованию, конструктор — и вдруг на такую должность! Тут нужен экономист. Да и самому Томащуку новая работа представлялась очень далекой от всего, к чему он стремился, чем жил многие годы. Тем не менее, когда его утвердили, пошел без ропота. В конце концов какой же он инженер, ежели не сумеет разобраться в экономике? И вот он влез в самую гущу составления планов, в разработку норм, начал изучать калькулирование, бухгалтерию. Вместо готовальни и логарифмической линейки—сметы, сводки, балансы, отчеты. Размышления над числами. Анализ цифр, которые вдруг ожили перед ним и заговорили. Книги. И даже вуз. Институт народно-

го хозяйства имени Куйбышева принял его сразу на второй курс, без отрыва, конечно, от работы.

Трудно сказать, с какого именно времени началось перевоплощение. Он и сам того точно не знает. Может быть, с той самой секунды, когда взгляд его задержался на... рукавице?

Шел он как-то механическим цехом, надо ему было что-то выяснить у нормировщиков, и поскользнулся на лоснящейся, будто специально натертой до паркетного блеска маслами и смазками чугунной плите. «Вот, черт, чуть не упал!» — схватился он за стеллаж. И увидел тут, на этой самой плите, неподалеку от станка, рукавицу. Обыкновенную, безразмерную брезентовую рукавичищу, которая выдается каждому рабочему. Он поднял ее, всю в черно-рыжих пятнах, колючую от прилепившейся стружки и наждачной пыли, по-

РЫ
АТСЯ
ТЬ

держал зачем-то, еще не давая себе отчета в том, что он будет с ней делать. Рассмотрел дыру на большом пальце, подумал почему-то, что залатать ее — и рукавица еще послужит. Кто-то потерял, а может, и нарочно бросил, будто окурок.

Рукавица не давала ему покоя и на следующий день. Точно дорогая, кем-то забытая шляпа, лежала она на подоконнике его небольшой, непохожей на кабинет заместителя директора завода комнаты и напоминала о себе. Странно, что он раньше, когда работал в цехе, не обращал никакого внимания на рукавицы. В чем тут дело? В перемене кресла? Вряд ли. Что-то изменилось в мышлении, в оценке тех же самых явлений и вещей, которые видел и раньше, но не замечал их. С ним происходило примерно то же самое, что с близоруким человеком, которому подобрали подходящие очки, и он стал замечать то, чего раньше не видел.

В отделе кадров появилось объявление: требуются швеи. Люди читали и дивились: зачем вдруг тракторостроители заводят портняжное дело? А в ворота к цеху благоустройства ввозили швейные машины. Мысль была проста: стирать и чинить рукавицы. Тысячи рукавиц, сотни тысяч. Чего, кажется, проще? А выгода немалая. Не восемьдесят копеек и не рубль двадцать будет стоить пара, а всего двадцать копеек. В первый же год плюс сто тысяч рублей в заводскую копилку, исключая затраты, вызванные созданием нового участка.

Вслед за рукавицами занялись использованием отходов кузнечного корпуса. Они вернули заводу 150 тонн металла в месяц. Потом взялись за инструмент, за устранение так называемых непроизводительных расходов. Впервые за многие годы трактор стал доходным, рентабельным. Да еще и премии повысил.

«Томащук забросал нас идеями,— взмолились работники лаборатории экономического анализа,— нас мало, нам надо расширяться». Лабораторию пришлось сильно увеличить. Предстояло решать еще более сложные задачи, вторгаться в такие сферы производства, как технология и конструирование.

* * *

Нет горше дня на заводе, чем тот, в который приходит рекламация. Это значит, где-то в работе произошла осечка, что-то недоглядели. А если она еще и не первая, и все по одному и тому же поводу?.. Секретарь главного инженера все утро висит на телефоне. «Не забыли, Иван Петрович? В пятнадцать ноль-ноль к Якову Алексеевичу... Да-да, по оси!..»

Без пяти три в приемной стало темно, так густо набился в нее народ. На заводе знали крутой нрав главного: не любит он опозданий. Говорили, ожидая приглашения, вполголоса. «Пожалуйста»,— распахнула наконец двойные двери секретарь.

Прямо тут же лежала ось — виновница нерадостного совещания. К большой полой трубе посередине приварена другая трубка, покороче. Место стыка и есть один из уязвимых узлов, из-за которого происходят все беды. На этой оси сидят передние колеса. Представляете себе новый трактор «Беларусь»? Небольшой, мобильный, с сильным двигателем, он незаменим на полях. Задние колеса у трактора большие, чуть не в полкабины высотой. А передние — маленькие, быстрые. На них, вернее, на ось, на которой они сидят, падает наибольшая нагрузка. И ось не выдерживает. Вначале она прогибается в месте сварки, потом дает трещины по концам. При резком повороте или какой-нибудь колдобине — раз, и все... И нет ее, оси! Все это давно известно. Но главный конструктор нового трактора оставил все же ось старой конструкции. Знал ли он, что ось, отлитая воедино с поперечной, прочней во много раз? Конечно, знал. Зато литая ось тяжелее и, следовательно, увеличивает вес. Кроме того, на заводе создана автоматическая линия для обработки сварных осей. Тут-то и собака зарыта! Откажись от линии — пропали затраченные на нее деньги. И вот достижение техники — автоматика — тормозит дело!

Выход ясен. И когда заместитель главного конструктора Петр Иванович Байков предложил перейти на литую ось, он лишь произнес вслух те самые мысли, которые были у каждого. Прекрасно понимал это и Томащук. Но пока молчал, прислушивался к выступлениям, не высказывал своего мнения. Ему было трудно. Он спорил сам с собой. Он как бы раздвоился. Один Томащук, конструктор, подымал руку «за». Другой Томащук, экономист, был против.

— Ваше мнение, Владимир Семенович?— спросил главный инженер.

— Надо подсчитать затраты, которые понесет завод, и решить, за счет чего покрыть их. Есть ли у вас предложения по этому поводу?

Это было неслыханно. Обычно конструкторские усовершенствования принимались безапелляционно, совершались безвозмездно, и до сих пор никто не осмеливался выступать против.

— Да понимаете ли вы, что идет речь о качестве машины и ее долговечности? О самом существовании ее в конце концов?— вскипел Тимошенко.— Какие тут могут быть разговоры!

— А все же из каких источников вы покроете расходы?— спокойно поинтересовался Томащук.— Может быть, за счет главного конструктора?

— Совнархоз раскошелится!

— Нет, так нельзя. Мы не имеем права залезать в карман государства. Ищите другой вариант!

— Видно, экономистам нет никакого дела до улучшения нашей продукции!— окончательно вышел из себя Тимошенко.— Никаких вариантов не будет! И точка!

— А вас, значит, себестоимость не беспокоит?

Стороны, как говорится, к соглашению не пришли. Но через несколько дней в заводской многотиражке «Трактор» главный инженер ответил главному экономисту. Заметка называлась «Находка в 50 миллионов». В ней была коротко обрисована судьба трактора, подсчитано, сколько часов он простаивает, пока завод пришлет ему новую ось, и во что обходятся пересылки, замена оси и простой. В масштабах страны получалась кругленькая сумма — 50 миллионов рублей!

Но Томащука гигантскими цифрами не загипнотизируешь. Он привык к точным, конкретным и реальным подсчетам. Да и потом, какая же это «находка»?

А на некоторых инженеров заметка возымела действие.

— Эх, пошел ты против себя!— выговаривали Владимиру Семеновичу друзья из конструкторского отдела.— Наступаешь на горло, так сказать, собственной песне.

И Владимира Семеновича вновь начинали одолевать мучительные сомнения. Кто же прав? Кто сильней в нем — инженер или экономист? Тут вмешивался еще кто-то; какой-то третий голос холодно ему подсказывал: «Ты же не против! Ты же «за»! Но чтобы это «за» было целесообразным...»

Теплым майским вечером в только что построенном Дворце культуры открылась экономическая конференция. Заместитель директора по экономике задолго готовился к своему докладу. Он тщательно отбирал материал и вновь и вновь обдумывал перспективы и нерешенные проблемы. Передняя ось относилась к таким проблемам. Томащук деликатно, но твердо сказал, что, к сожалению, она до сих пор не решена, что инженерно-техническая служба не нашла пути, который бы компенсировал производственные издержки. А резервы есть...

Упрек был адресован главному инженеру. Он, конечно, не мог стерпеть, чтоб напоминали ему об этом! И кто? Экономист! Его дело — ведомости пересчитывать, а не лезть в технику! Яков Алексеевич вспылил, и Томащук тут же «узнал», что ему недорога честь заводской марки...

По рядам пробежал шумок.

— Руководителям завода следовало бы сначала между собой договориться, а потом уж выступать!— крикнули из зала.

— Какие будут предложения?— постучал по графину карандашом председательствующий, секретарь парткома завода Иван Васильевич Филатченков.

— Разрешите мне заключительное слово,— обратился тихонько Томащук к председателю.

— Не дадим,— поднял ладонь директор завода Б. С. Сивак.— Ишь, два петуха! Тот наговорил... Теперь ты в него вцепиться хочешь!.. Сиди!— И встал сам.

— Нам надо наконец научиться считать свои деньги,— сказал Борис Сергеевич Сивак.— Нельзя так безапелляционно утверждать, что не может быть никаких вариантов. Инженеры найдут резервы для компенсации затрат на литую ось. На то они и инженеры.

Директор был прав. Прошло несколько месяцев, и всего лишь пять предложений по улучшению технологии и конструкции принесли экономию в 175 тысяч рублей. А такая сумма как раз и требовалась, чтобы наладить литье передней оси и реконструировать автоматическую линию для ее механической обработки. Но... обо всем этом главный инженер в разговоре со мной умолчал.

Стороной узнала я и о том, что сейчас ни одно конструкторское изменение не вносится в чертежи без ведома заместителя директора по экономике. Даже на бланке распоряжения среди утверждающих подписей должен быть и его гриф. Такое заведено здесь, на заводе, строжайшее правило. К распоряжению прилагается чертеж с указанием материала и характера замены. Томащук смотрит на него не как дилетант, а как специалист. Вот когда и где пригодились ему его конструкторские познания! Очень хорошо, что он, экономист, владеет ими. Они помогают ему. Не уйдут от него, останутся навсегда.

Появляется у него среди текущих оперативных дел «окно» — забежит он в конструкторскую, посидит у кульманов, потолкует с друзьями. И у них изменилось отношение к экономике. Нет-нет да и позвонят Владимиру Семеновичу: «Мы тут заменяем чертеж по Оренбургскому заводу. Надо затребовать у них снижение цены».

Инженеры учатся считать...

ЧЕТЫРЕ ВЕКА — ЧЕТЫРЕ ПОРТРЕТА

Вл. ВОРОНОВ

Четыре века проходят сегодня на цветных вкладках журнала — от шестнадцатого до девятнадцатого. И если на миг забыть ученые термины, наименования группировок и художественных течений и просто внимательно вглядеться, картины увлекут зрителя в свой мир, только что бывший для него очень далеким, сделают его участником изумительных открытий.

И тогда, вероятно, становится несущественным, что Франсуа Клуэ писал коронованную Елизавету Австрийскую, а Ричард Бонингтон — старую гувернантку, о которой мы не знаем ничего, даже имени. И тогда, наверно, не имеет большого значения, что между двумя портретами пролегла полоса, равная трем столетиям. Конечно, много можно вспомнить о жизни Елизаветы Австрийской, ее радостях и злоключениях. Но имеет ли значение в данном случае сходство изображенной женщины с той самой Елизаветой Австрийской, жившей в XVI веке?

Профессор Б. Р. Виппер писал, что портретом можно назвать лишь изображение человека, имеющего исторический, реальный прообраз. Правда, в той же статье авторитетный искусствовед приводил забавный пример портретного сходства в искусстве. Английский король Генрих по портрету точного до педантизма Гольбейна выбрал себе в жены Анну Клевскую, а увидев ее наяву, разочаровался с первого взгляда и отослал невесту обратно.

В чем же, спрашивается, ценность портретного сходства? Очевидно, опять же в сходстве, если понимать под ним не внешнее соответствие изображения и модели, а проникновение в глубины человеческого духа. И в этом случае портретность, понимаемая как похожесть, нужна, ибо несет в себе тот неповторимый мир, индивидуальный микрокосм характера, иногда неожиданный даже для оригинала. Вспомним слова папы Иннокентия X, пораженного своим портретом кисти Веласкеса: «troppo vero»—«слишком правдиво». Так портрет стал открытием характера.

Художник озабочен в портрете не только внешним сходством с оригиналом, а пытается выразить также свое отношение, свою мысль о модели. Тогда для нас портрет отдельного человека превращается в своеобразный портрет времени. Крупнейший мастер позднего французского Ренессанса Франсуа Клуэ создает образ человека, порывающего со многими средневековыми суевериями, осознающего свое личное достоинство; художник пытается проникнуть за эту холодную маску надменной героини. Один из друзей Франсуа Клуэ, поэт Иоахим дю Белле, хорошо выразил в книге «Сожаления» интерес художников Ренессанса к внутренней жизни человека:

Не говорю про битвы, про походы,
В моих стихах высоких истин нет,
В них только сердца несколько примет,
Рассказ про радости и про невзгоды.

(Перевод И. Эренбурга.)

Именно «сердца несколько примет» удается передать Франсуа Клуэ. Он еще далек от понимания живого, противоречивого характера, от воспроизведения движущегося потока действительности в одном мгновении, фиксированном на полотне.

Чтобы точнее ощутить объективную ценность воспроизводимого здесь портрета, нужно вспомнить, что в первой половине XVI века в Италии уже работали Рафаэль, Леонардо, Тициан. Французские живописцы постепенно овладевали высокой культурой итальянского искусства, и в произведениях Франсуа Клуэ (Жанэ, как его ласково называли Ронсар и другие поэты «Плеяды») французская национальная школа впервые заговорила своим голосом.

Другим примером тому может служить картина Жоржа де Ла Тура «Магдалина со светильником».

Магдалина Ла Тура не похожа на других кающихся Магдалин, а их не один десяток в мировом искусстве. Начать хотя бы с того, что у латуровской Магдалины нет никакого раскаяния в совершенном. На картине забывшаяся в долгой, неотвязной думе женщина; глаза ее устремлены к горящему языку потрескивающего фитиля; на столе книги, распятие и веревка для самобичевания. Поражает точность бытовых деталей, которые отнюдь не отвлекают от главного, а усиливают мысль художника.

Судьба Жоржа де Ла Тура и его картин трагична. Имя художника в свое время произносили во Франции с восторгом: Ла Тур был придворным живописцем двух королей. А потом на два с половиной века Ла Тур словно канул в Лету; дошло до того, что его путали с Морисом Кантеном де Ла Туром—блестящим рисовальщиком XVIII столетия. Специалисты до сих пор спорят по поводу некоторых сюжетов художника: его крестьянки выглядят, как мадонны, а мадонны похожи на крестьянок.

Произведения Ла Тура трудно назвать портретами, хотя острые психологические характеристики художник, бесспорно, вынес из наблюдений над крестьянами родной ему Лотарингии. Впрочем, во времена Ренессанса, незадолго до Ла Тура, многими портрет считался второсортным жанром: так, Микеланджело в капелле Медичи просто-напросто отказывается от портретного воспроизведения Джулиано и Лоренцо, убежденный в том, что через несколько сот лет люди все равно забудут, как выглядели оба Медичи. Самостоятельную роль портрета утвердили, развивая традиции Ренессанса, великие живописцы XVII века Веласкес, Рембрандт, Хальс.

Прихотливые судьбы искусства в дальнейшем привели портрет к измельчанию. Правда, он испытал периоды блестящих взлетов: таковы, например, в XVII веке произведения английских и русских портретистов. В этом номере репродуцируются два малоизвестных у нас английских портрета работы Д. Рейнольдса и Р. Бонингтона.

Как и его предшественники, Джошуа Рейнольдс считал портрет низшим жанром, хотя наибольшие ценности создал как раз в портрете, а не в выспренно-академических композициях на исторические темы (его многометровый «Геркулес, удушающий змей» находится в нашем Эрмитаже). Одна из самых колоритных фигур в истории английского искусства, Рейнольдс был не только художником, но и теоретиком живописи, крупным общественным деятелем. Первый президент британской королевской академии, Рейнольдс на ежегодных торжественных обедах декларировал своеобразное учение о таланте художника, об отношении к традиции. Изучая творения других, мы учимся творить сами, утверждал художник. «Новаторство есть одно из величайших качеств гения,— говорил Рейнольдс на шестом академическом заседании,— однако оно должно быть связано с открытиями других мастеров искусства, у которых мы учились новаторству; так же, как, изучая мысли других, мы учимся мыслить сами». Рейнольдс был весьма последователен в своей теории и практике; поэтому он мог написать картину «Девочка

Франсуа Клуэ. 1522—1572. ПОРТРЕТ ЕЛИЗАВЕТЫ АВСТРИЙСКОЙ.

Париж. Лувр.



Ла Тур. 1593—1652. МАГДАЛИНА СО СВЕТИЛЬНИКОМ.

Париж. Лувр.

у окна», повторяющую композицию рембрандтовской Хендрике.

Но в лучших своих работах английский художник умел остаться оригинальным и самостоятельным. Среди его многочисленных произведений (а в иные годы Рейнольдс писал по 150 портретов) немало подлинных шедевров. Особенно удавались Рейнольдсу мужские портреты, здесь он отлично чувствовал характеры. Менее силен он в женских и детских портретах; в них Рейнольдс нередко уступал своему современнику и конкуренту, далекому от мирской суеты, Генсборо. И все же в коллекции картин, привезенных к нам прошлым летом из Лувра и других музеев Франции, привлекал внимание портрет Френсиса Джордана Хора работы Рейнольдса. Конечно, в портрете больше внешнего эффекта, чем проникновения в детский характер (вспомните для сравнения детские портреты Валентина Серова); но даже в этой героизированной под историческое полотно картине художник передал непосредственность ребенка. Живописная палитра вещи характерна для всего творчества автора: господствующие красновато-коричневые тона, подчеркнутые холодными зелеными и голубыми пятнами.

Художник с чуть снисходительной улыбкой любуется златокудрым мальчиком, его грациозной позой, его серьезным желанием, играя в морское сражение, походить на взрослых — указующим перстом, горделивой осанкой... Нежная кожа открытого плеча, мягкие черты детского лица, свободные складки одежды контрастируют с условным драматическим пейзажем, с таинственным верхним светом. Автору важен условный пейзажный фон, на котором он располагает модель,— этим самым внимание равномерно распределяется по всей поверхности полотна.

Пройдет два-три десятилетия, и живописцы-романтики, вернувшись к урокам Рембрандта, снова остановят свой взгляд на человеческом лице и попытаются прочитать в нем сказание о жизни, о ее миражах. «Старая гувернантка» Бонингтона — одно из таких прочтений.

Она надолго задерживает около себя, эта своенравная старуха в салопе, искушенная в барских прихотях, знающая цену минутному капризу и милости, привыкшая молчать и не всегда повиноваться. В лице, высвеченном из темноты, в искаженных временем чертах читается целая повесть об увядании жизни — о былых мечтах, утерянных иллюзиях, о какой-то мудрой просветленности горького взгляда, приученного довольствоваться малым.

У нас почти не знают Бонингтона; даже специалисты могут сказать о нем лишь несколько слов, да и то чаще в связи с его великими современниками — англичанином Констеблем и французом Делакруа.

Почти всю жизнь Бонингтон провел во Франции. Искусству акварели, которым славилась английская живопись XVIII века, Бонингтона учил Луи Франсуа, в городе Кале. Франсуа снабдил семнадцатилетнего Бонингтона письмами к парижским друзьям, которые приняли молодого художника в столице. Там он встретился с Делакруа, встретился случайно в Лувре, где англичанин копировал голландских и фламандских художников, а не итальянских, как требовала тогдашняя традиция. Делакруа был всего на четыре года старше Бонингтона; они подружились и, вдохновляемые Теодором Жерико, принялись за изучение Рубенса.

Бонингтон учился в парижской школе изящных искусств и посещал мастерскую барона Гро. Яркие акварели Бонингтона пленили парижских меценатов (акварель в то время была в Париже новшеством); они помогли английскому живописцу совершить поездку в Нормандию и Пикардию (1821—1823), а позднее — в Венецию. Двадцатилетний Бонингтон хорошо известен в Париже, художник участвует в академических выставках, а на знаменитом Салоне 1824 года, где выставлялись также картины Констебля и Лоуренса, Бонингтон завоевал золотую медаль. Это был, конечно, огромный успех. В дневниках Делакруа сохранились ценные свидетельства о художнической натуре Бонингтона.

Почти через тридцать лет после смерти английского живописца (он умер 26 лет от туберкулеза) Делакруа записывает: «Есть таланты, которые родятся на свет вполне зрелыми и вооруженными всем необходимым». Таков был Ричард Бонингтон. Делакруа уточняет: «Рука у него была так искусна, что опережала мысль; его переделки были следствием этой чрезмерной легкости, ибо все, что он набрасывал на полотно, было полно очарования». Французский художник видел виртуозность кисти Бонингтона, искренность его чувств, но он видел также, что Бонингтон нередко приносил в жертву виртуозности серьезные замыслы. Это явственно ощущается в исторических композициях Бонингтона — «Генрих IV и испанский посол», «Франциск I и герцогиня».

Талант Бонингтона наиболее убедителен в пейзажах и портрете. В ленинградском Эрмитаже есть полотно Бонингтона «Лодки у берега», отлично передающее атмосферу знойного дня. Много подражателей по обеим сторонам Ла-Манша нашлось у Бонингтона. Артистичность его живописи чувствуется даже в репродукции «Старой гувернантки»: как вылеплено лицо, как написан белый платок.

* * *

...Когда в конце дня проходишь по залам музея живописи и видишь мерцающие в сумрачном свете лица людей, отделенных от тебя веками или десятилетиями, появляется волнующее ощущение единого времени, в котором когда-то разыгрывались величайшие трагедии, разрывались сердца, устремленные в будущее... Мы смотрим на холодное лицо Елизаветы Австрийской или сверкающую молодостью улыбку «Цыганки» Хальса; вглядываемся в изрезанные годами, одряхлевшие черты Тинторетто в его автопортрете или восхищаемся изысканным поворотом головы юноши на картине Боттичелли; думаем о бедах безвестной женщины, подсказавшей Ла Туру его «Магдалину»,— и вновь и вновь возвращаемся к великой силе искусства, способного открыть тайники человеческого сердца, приблизить к нам былое, такое далекое время. Словно никуда они от нас не уходили, эти века и десятилетия, с их открытиями и борениями, а живут в нас сегодня.

Бюро Услуг — Бюро Информации

И СНОВА — ДОРОГА...

Юрий РЫТОВ,
Фото Геннадия КОПОСОВА,
специальные корреспонденты «Огонька»

«Уважаемая редакция!
Расскажите, пожалуйста, что происходит сейчас на стройке Усть-Илимской ГЭС.
Мы живем в Запорожье. Год с лишним назад окончили техническое училище, работаем машинистами башенных кранов.
Город наш большой, красивый, давно обжитой, нам здесь очень нравится. И все же хочется работать там, где большой город только начинает строиться. Мы мечтаем поехать на Усть-Илим, участвовать в строительстве третьей огромной электростанции на Ангаре.
С комсомольским приветом

Люба Шинкаренко,
Таня Сыровая».

Выполняя просьбу девушек, мы публикуем в новом разделе «Огонька» "Бу — Би" (бюро услуг — бюро информации) репортаж наших специальных корреспондентов Геннадия Копосова и Юрия Рытова о поездке на Усть-Илим.

Теоретически добраться на Усть-Илим можно тремя путями: воздухом, рекой и автомобильной дорогой. Практически — двумя. Река замерзает зимой (что вполне естественно), а дорога расплывается летом (что не вполне естественно, но вполне объяснимо, как убедится в этом читатель). Так как дело происходило зимой, мы избрали автомобильную дорогу.

Выехали поздно, почти в полдень, часа в три миновали «пограничный» столб, разделяющий владения двух строительных управлений — четвертого и пятого,— и к вечеру оказались в поселке Эдучанка, «столице» СМУ-5. Вылезли из машины и в изумлении замерли. В только-только наступавших сумерках, в еще прозрачном морозном воздухе очертания предметов слегка расплывались, полутени исчезли, остались два цвета, черный и белый, они сочетались в неожиданных, причудливых комбинациях.

И тут мы услышали песню. Она звучала из серебристого репродуктора, прикрепленного к длинному шесту над маленьким домиком, по всей видимости, радиостанцией.

Над Москвой незнакомые ветры поют,
Над Москвой облака,
словно письма, плывут...
Я по карте слежу за маршрутом твоим,
Это странное слово ищу:
Усть-Илим...
Усть-Илим...

Пластинка была заиграна, репродуктор хрипел, и слова можно было лишь угадать. Но факт оставался фактом: по дороге на Усть-Илим мы слушали песню, которая так и называлась: «Дорога на Усть-Илим».

Повезло тебе, дорога! Тебя еще не существовало в природе, а песня о тебе уже была... Только о многом она умолчала, эта песня.

Наш спутник, хозяин «газика» — главный инженер управления дорожного строительства Гай Михайлович Вальдейн. Едва мы выехали на дорогу, он показал на огромный лесовоз, спешивший нам навстречу, и засмеялся.

— Когда дорога проектировалась, один ответственный товарищ заявил, что лес по ней возить не будут... Однако всем нам, дорожникам, было ясно: раз дорога прокладывается через тайгу, по ней непременно будут возить лес. Значит, покрытие должно быть посолиднее, покрепче. Авторитетный товарищ остался при своем мнении. И вот вам результат...— Гай Михайлович снова показал на дорогу.

«Результат» сейчас разглядеть трудно, зато летом не заметить его невозможно. А дело вот в чем. Класс дороги, тип ее покрытия в первую очередь зависят от грузонапряженности. А грузонапряженность — вопрос спорный. И дорога, словно иллюстрация к спору, отражает ход полемики. На некоторых участках уложили гравий, на других сейчас укладывается бетонное покрытие.

Дорога Братск — Усть-Илим прокладывается в глухой тайге. 245 километров трассы — и на всем этом пути не было ни поселка, ни деревушки. А сколько рек пересекли, и не сосчитать.

Трудная трасса. Очень. Взять бы да навалиться на эту дорогу всей мощью Братскгэсстроя, разделаться бы с нею за пару лет. Но так не получилось. Уже четыре года работают здесь строители, а конца еще не видно. Сейчас, зимой, дорога честно несет службу, а начнется весна — поплывет, шлагбаумы преградят путь грузовикам... Геодезисты снова проверяют отметки трассы, и в крошечной теплушке инженер Николай Михайлович Парий и чертежница Валентина Лескова рассчитывают продольный профиль.



Дорожные будни...



Мыс Толстый. Створ плотины Усть-Илимской ГЭС.

Почти через сутки мы добрались до Усть-Илима. Мороз стал крепче. Над одноэтажными бараками стояли столбики дыма. Гай Михайлович распрощался с нами и повернул обратно. Здесь, в Усть-Илиме, его владения кончались, а он хотел еще раз посмотреть трассу.

Мы идем по поселку.

Усть-Илим начинается так, как начиналась каждая большая стройка.

В новенькое, только что отстроенное здание школы рабочие осторожно вносят ящик, на котором черной краской написано: «Не кантовать. Учебное пособие «скелет».

Через оконца палаток видны комнаты, обставленные с такой заботой об уюте, словно их обитатели решили пробыть здесь очень долго (впрочем, не зря шутят строители, что нет более постоянных сооружений, чем времянки).

У дверей столовой — шеренга «персональных» машин. На холостых оборотах работают моторы могучих «Мазов». Уходя обедать, шоферы не выключают их: потом на морозе не завести.

К бараку подкатил грузовик, из кузова выкарабкалась бабушка в тулупе и валенках с калошами. Перекрестилась. Сказала: «Слава богу, прибыли». Шофер подал ей два узла и хоккейную клюшку.

Над окнами какой-то конторы двое молодцов прикрепляют транспарант, красный, с белыми буквами: «Строитель, знай...» Что именно должен знать строитель, осталось для нас тайной, потому что вторая половина транспаранта еще лежала в снегу.

На крутом берегу Ангары катались с горки мальчишки. Все на лыжах, один, самый маленький, на санках. Кажется, он единственный достигал льда благополучно. Мальчишки охотно позировали перед фотоаппаратом, а тот, маленький, с санками, сказал: «Я уже снимался для газеты». Остальные подтвердили: действительно снимался. Точнее, снимался он и его отец. А еще точнее — его отец и он. Его отец был известным строителем Братска. И все остальные мальчишки родились в Братске. А сейчас стали жителями Усть-Илима.

И вот уже тогда стало ясно, что Усть-Илим начинается не совсем так, как каждая большая стройка.

Нет, не зря все дороги на Усть-Илим идут из Братска.

Усть-Илимская ГЭС — третья на Ангаре. По своей производительности, конструкции гидроузла и технологическим особенностям она будет почти точной копией Братской. Для сооружения новой станции не станут создавать собственной промышленной базы — лишь несколько предприятий, необходимых гидроузлу. Основная масса материалов, металлоконструкции и электроэнергия придут из Братска. Основной костяк строителей — оттуда же.

Словом, Усть-Илим — своеобразный филиал Братска. Маленький филиал, которому, однако, предстоит разрастаться с каждым годом, «проглатывая» все бóльшие и бóльшие подразделения Братска. Конечно, ему не удастся «проглотить» весь «Братскгэсстрой»: последний успел отпочковать еще пять филиалов, превратившихся в мощные управления, профиль которых весьма далек от гидростроительства. Однако собственно гидростроительная часть Братска — люди, машины, механизмы, выверенный и слаженный аппарат управления, десятилетний опыт, инженерные находки,— несомненно, будет принадлежать Усть-Илиму.

Уже сейчас на площадке стоят изящные двухэтажные коттеджи. Это так называемые «дома ГПД» — передвижные сборные домики конструкции Гидропроекта. Впервые они появились в Братске и полностью оправдали себя: их можно быстро собрать и разобрать.

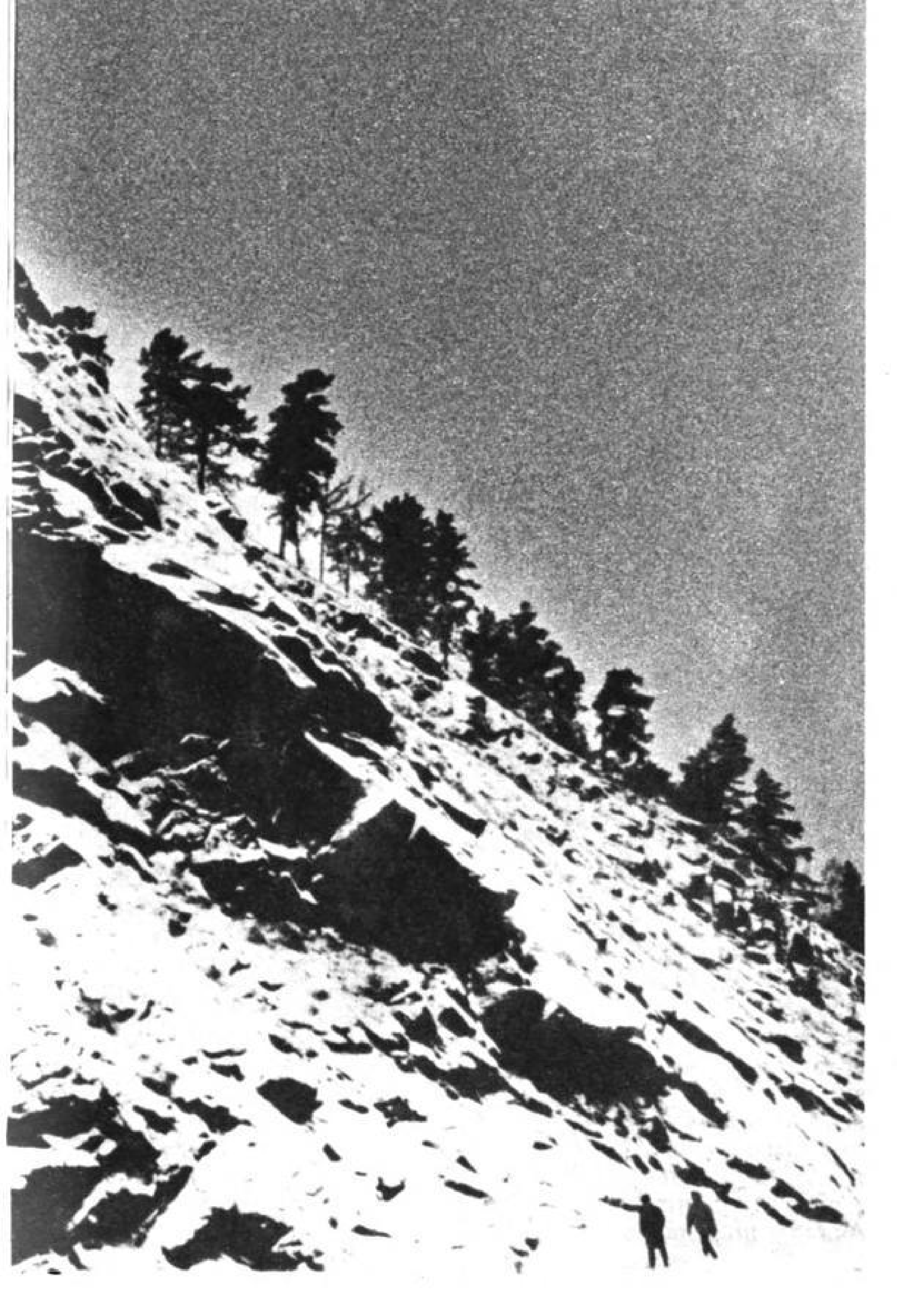
Универсальным строительным материалом первых лет Братска было дерево. Возникла даже специальная теория, подкрепляющая «древолюбовь»: дескать, живем в лесу, из чего же, как не из дерева, возводить поселки! На Усть-Илиме уже в этом году появятся три крупнопанельных дома. Оказывается, они гораздо дешевле, чем деревянные. Город Постоянный на Усть-Илиме в отличие от поселка Постоянного в Братске будет весь состоять из панельных пятиэтажных и девятиэтажных зданий. Промышленная база Братска даст железобетонные конструкции и все детали для этих зданий.

На новой стройке работают молодые инженеры. Однако почти у каждого не только вузовский диплом, но и солидный стаж практики в Братске... Они так и говорят: «А вот у нас, в Братске...» — и тут же чуть кокетливо поправляются: «У них, в Братске...»

Один из этих молодых инженеров, Владимир Матвеевич Тест, сейчас начальник строительно-монтажного управления на Усть-Илиме. На лацкане пиджака — значок Московского инженерно-строительного института, который он окончил в 1957 году. В том же году приехал в Братск. Был мастером, затем — начальником участка в котловане. Последнее обстоятельство — в котловане — всегда здесь подчеркивается. Конечно, в Братске не было легких участков, и все же работа в котловане — это нечто высшее.

Владимир Тест мог с полным правом говорить о себе: «У нас, в Братске...» Он говорил иначе: «У нас, на Усть-Илиме...» Что же, и здесь он старожил! На больших гидростройках темп жизни таков, что год вполне может заменить иное десятилетие.

Володя приехал сюда в феврале шестьдесят четвертого. Тогда на





Родились в Братске, учиться будут в Усть-Илиме. Что предстоит им строить!

площадке стояло всего лишь два дома. А теперь здесь большой поселок. Большой — понятие относительное, и Усть-Илим пока неровня Братску, но для изыскателей, геологов, лэповцев, месяцами живущих в тайге, это уже столица.

Володе на правах старожила и одного из руководителей стройки вменено в обязанность принимать гостей. О новой гидростанции он рассказывал не один раз, и потому рассказ его планомерен, точен, обстоятелен и в то же время очень короток. Так говорит опытный лектор, который отлично знает свой предмет, своих слушателей, и снисходительно предвидит не только их реплики и вопросы, но даже и остроты.

— В котлован думаем залезть в шестьдесят седьмом году,— говорил он.— А пока идут подготовительные работы. Главное, естественно, жилье. Будущий город рассчитан на двадцать пять тысяч человек. Прокладываем дороги. Пока внутри поселка. Строим промбазу, то, без чего нельзя обойтись на месте: бетонный и лесной заводы, участок механизации...

Последовал традиционный вопрос:

— Как дела с планом?

Володя внимательно посмотрел на нас и задумался. Говорить или не говорить? И решил: говорить. Просвещенные Гаем Михайловичем за время нашего совместного пути, мы уже знали, что он скажет, если разговор пойдет откровенный.

С планом плохо. Но не потому, что он велик и с ним трудно справиться. Наоборот. Уже какой год подряд строителям выделяют гораздо меньше денег, чем они могут освоить. А так работать очень трудно. Нет размаха.

— К нам обращаются десятки молодых ребят,— продолжает Володя.— Как принято говорить, энтузиастов. Хотят приехать. Увы, мы не всех можем принять...

Он протянул одно из писем.

«...Я уже давно мечтаю о тайге, о Сибири, думаю о великом будущем этого края. Давно был бы с вами, но... Были всякие «но»... Одно из этих «но» сидит сейчас рядом и плачет. Недавно прочитал о вашей стройке и заявил всевозможным «но»: долой отсрочку, мое место на Усть-Илиме».

— Что вы ответили ему?

— Еще ничего не ответил...

Вероятно, не только сравнительно узкий фронт работ и отсутствие жилья заставляют Володю и его товарищей долго раздумывать над такими письмами. Опыт Братска научил их остерегаться легкомысленных любителей лесной романтики, которым уже через месяц после приезда газированная вода на московской улице Горького кажется романтичнее тяжелых и достаточно однообразных будней стройки.

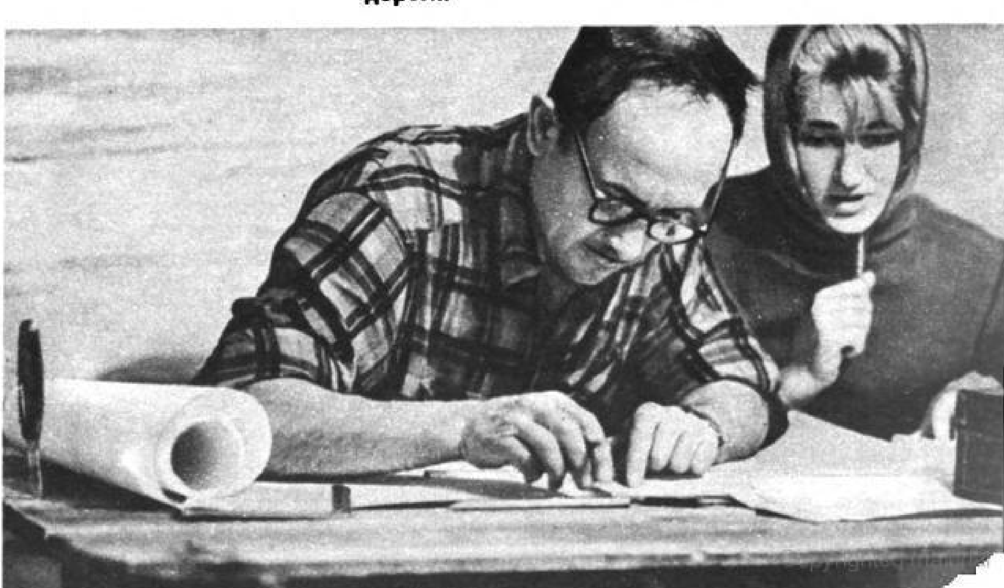
Был поздний вечер, когда мы вышли из конторы управления. Однако Володя непременно хотел сам показать нам стройку. Ведь в поселке сегодня праздник: пущена первая котельная. А вчера сдана новая школа. В тайге выбрана площадка для строительства бетонного завода...

Мы подняли воротники и послушно двинулись за ним, хотя уже все видели, все осмотрели днем. Мы понимали Володю.

Мы прекрасно понимаем и девушек, приславших в редакцию письмо. И уверены: несмотря на все трудности, они будут работать на Усть-Илиме. Пройдет еще какое-то время, фронт работ расширится, башенные краны вырастут над поселком, и тогда крановщицы станут самыми желанными здесь людьми.

Поселок Усть-Илим,
Иркутской области.

Николай Михайлович Парий и Валентина Лескова прокладывают трассу дороги.



Д. ШАШУРИН

Самая большая собака

Рисунки В. Черникова.



Сначала это был самый смешной щенок на нашем дворе. Самый криволапый, самый курносый, самый добродушный и самый веселый. Но щенок, хотя и был из породы боксеров, был не он, а она, потому что звали его просто Милка. Так назвали щенка тетя Ксения и дядя Миша, когда им его подарили.

Милка очень быстро росла. Однажды на нее надели широкий ошейник и стали водить ее на поводке. А она росла и росла. И доросла до того, что все сразу, как только Милка выходила из двора, говорили: «Вот Самая-Большая-Собака-На-Нашей-Улице».

Должно быть, Милка понимала, что о ней говорят, и очень гордо ходила по улице. Ей нравилось, что ее боятся другие собаки и стараются обходить стороной. Если же какая-нибудь собака не проявляла должной скромности, Милка лаяла на нее. Лаяла только один раз —«Гам!»— таким густым басом и так страшно, что дерзкая собака мгновенно убегала. А во всех домах на нашей улице хозяева успокаивали своих гостей, если они были в это время: «Нет, это не гром! Нет, это не взрыв! Это лает Самая-Большая-Собака-На-Нашей-Улице». У кого не было гостей, те просто улыбались, качали головами и говорили: «Ну и ну! Ну и голосина!»

Иногда Милка лаяла на что-нибудь, как ей казалось, необычное. На грузовик с длинным, высоким, блестящим кузовом, на двухэтажный троллейбус, на трактор с экскаваторным ковшом, на ярко-красный мотоцикл, проезжавшие по улице. «Гам!»— рявкала на них Милка, и они спешили поскорее скрыться. Если только их не задерживал светофор на площади. Даже огромный танк, который с грохотом катился по нашей улице, свернул за угол, как только встретился с Милкой.

Может быть, про нее в конце концов стали бы говорить: «Вот Самая-Большая-Собака-На-Нашей-Улице-Которая-Никому-Не-Уступает-Дороги». Может быть, если бы однажды не случилось то, что случилось.

А случилось это в обычный день утром. Только-только вывел дядя Миша гордо выступающую Милку за ворота и прошел с ней немного по направлению к площади, как вдруг Милка остановилась и даже испуганно замерла. Дядя Миша тоже испугался и быстро стал озираться. И хотя ничего на самом деле страшного кругом не было, Милка начала пятиться и дрожать своей гладкой шкурой, как от холода. Так она боялась того... «Да разве вы не видите? Вон идет, топает на нас,— как будто говорила Милка дяде Мише.— Убегайте, убегайте!»

— Вот глупая,— удивился дядя Миша,— это же лошадь!

Откуда могла Милка знать о лошадях? Много вы видите лошадей на московских улицах? Милка никогда еще в своей жизни не встречала ни одной лошади.

Милка видела много разных ног и колес. Колеса автомобильные, троллейбусные, даже такие, как у танка, большие совершенно ее не пугали, так же как и самые большие ноги. Но разве можно не испугаться Самых-Больше-Чем-Огромных-Лап, которые — «цок, цок!»— надвигаются по мостовой! А на лапах... Разве это нормальное туловище?.. А что это такое с длинной шерстью? Ой, ой! Неужели это такая некруглая, такая длинная голова?

Милка пятилась, тянула за поводок дядю Мишу и даже тоненько повизгивала от страха. Она втянула дядю Мишу назад, во двор, и постаралась спрятаться у него под ногами.

«Цок, цок!»— мимо ворот совершенно безобидная лошадь протащила маленький зеленый фургончик на мягких шинах. В это же время на улице раздалось звонкое тявканье Комарика — малюсенького песика на тонких ножках из соседнего дома.

Комарик не только лаял, но, забегая вперед под Больше-Чем-Огромные-Лапы-Самой, как думала Милка, Огромнейшей-Преогромнейшей-Собаки-На-Свете, делал вид, что сейчас укусит ее.

Милка зажмурилась, поморгала, грустно посмотрела на дядю Мишу, как будто хотела сказать: «Ах, я так устала, пойдем, пожалуйста, домой». Она даже отказалась поиграть с ребятами.

Теперь, когда Милка выходит на улицу, она прежде всего осторожно оглядывается. Если же Милка встречает Комарика, она уступает ему дорогу. Это уже все заметили и говорят про Милку: «Самая-Большая-Собака-На-Нашей-Улице-Которая-Уступает-Дорогу-Маленьким»,— что гораздо лучше, чем если бы говорили: «Которая-Никому-Не-Уступает-Дороги». Потому что говорить так все равно, что сказать: «Самая-Большая-Невежливая-Собака». А уж это, все знают, очень и очень плохо.

Виталий ТАТАРИНОВ

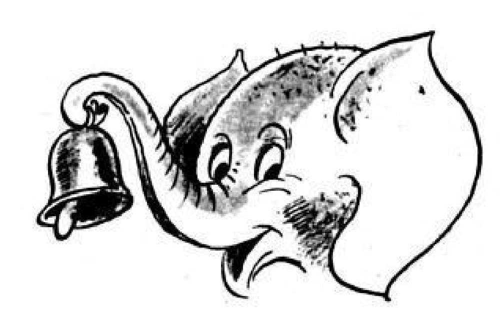


МАРТЫШКИ И КНИЖКИ

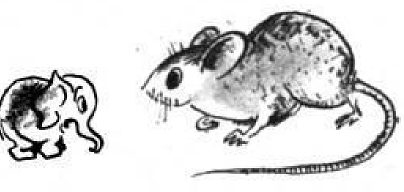
Когда-то в далекой стране это было...
Мартышка
Детишкам
Две книжки купила.
Со сказками книжки
И с песнями,
С картинками интересными.
Малышкам-мартышкам понравились книжки.
— Пойдем почитаем,—
сказали мартышки.
На ветках они целый день
Веселые книжки листали,
Но так как читать было лень,
Играть в волейбол ими стали.
Смотрите,
Как здорово книжки летают!
Почти как взаправдашний мяч.
Мартышки играют!
Мартышки играют!
Спешите, все звери, на матч!
И долго мартышки играли,
Покуда все книжки порвали.
Вернулись домой они,
Просят мать:
— Купи нам чего-нибудь
Почитать.
Но только с тех пор
Для мартышек
Никто
Не печатает книжек.

ГРУСТНАЯ ИСТОРИЯ

Жил в далекой Африке слоненок.
Он врунишкой страшным был с пеленок.
Папу он обманывал и маму,
Врал он тигру
И гиппопотаму,
И быку,
И зебре полосатой,
И пантере,
Черной и усатой,
Страусу,
Жирафу,
Грозной львице...
И никак не мог остановиться.
Только лишь с постельки утром встанет,
Сразу же
Кого-нибудь обманет.
Даже пересмешницы-мартышки
Начали завидовать врунишке.
Звери злятся,
А хитрец смеется:
Как ему все ловко удается!
Мама страшно от него устала,
Мама
Спать спокойно перестала,
Маму гложет
Новая забота:
Похудел слоненок отчего-то.
Кормит, поит бедного сыночка,
Не растет малыш ее —
И точка!
Хоть это звучит невероятно,
Стал ее сынок расти...
Обратно.



Испугалась мама не на шутку,
Повела она к врачу малютку.
Говорит врачу
С печальным вздохом:
— Мой слоненок стал расти так плохо!
Может быть, нужна ему больница,
Чтобы там немного подлечиться?
Может, прописать слоненку капли,
Ест и ест,
А не растет ни капли.
Но в ответ ей врач
Развел руками:
— Сам не знаю,
Что мне делать с вами.
Вам помочь не сможет медицина,
Перевоспитать
Вам надо сына.
Не растет ваш озорник-сынишка
Потому, что он
Большой врунишка.
Только он кого-нибудь обманет,
Сразу же
Немножко меньше станет,
И, пожалуй, в том лишь все несчастье,
Что обманывает он
Так часто!
Болен ваш малыш весьма серьезно,
Но спасти его
Еще не поздно.
В этом баловстве,
Как говорится,
Нужно вовремя остановиться...
Но слоненок не остановился,
С каждым днем
Все меньше становился,
Не послушал доброго совета,
И ужасно кончилось все это:
Стал таким малюсеньким врунишка,
Что его однажды
Съела мышка.



ИНТЕРЕСНЫЙ РАЗГОВОР

Жирафа сказала:
— Послушай, сынок,
Пойди прогуляйся,
Хороший денек.
Но только сначала
Старательно,
С мылом
Ты шею свою обязательно вымой.
А то тебя звери в лесу повстречают
И с грязною шеей тебя не узнают.
Все скажут, что ты
Из родни бегемота
И только недавно покинул болото.
...Молчал жирафенок,
Но всем было видно,
Что он
Не грязнуля
И что ему
Стыдно.
Случайно
Подслушал я их разговор
И шею
Старательно мою с тех пор.



ДВЕ ТРЕТИ ПЛАНЕТЫ — БЕЛОЕ ПЯТНО



Марк БАРИНОВ

Белые пятна... Прочитав или услышав эти слова, каждый из нас начинает вспоминать: Антарктида, бассейн реки Амазонки... Где еще? Ах да, в горах, там, где водится снежный человек...

Ну а если вам скажут, что две трети нашей планеты — белое пятно? И не в переносном, а в самом буквальном смысле этого слова. Мне такое сказали совсем недавно. Доказали, что это именно так и есть. В Институте океанологии Академии наук СССР. И все, что мне там довелось услышать, настолько же просто, насколько и удивительно.

Люди науки говорят: двадцатый век — век космоса и океана. Первое объяснять не приходится, а второе... Судите сами. Нефтяные города в море, первенцем из которых являются наши Нефтяные Камни на Каспии. Подводные поселения, которые мечтает построить Жак Ив Кусто. Батискафы, которые опускаются в глубочайшие бездны. Пристальное изучение китообразных, оказавшихся наделенными могучим мозгом. Простое и в то же время гениальное изобретение — трубка и маска, благодаря которым миллионы людей породнились с морем. И, наконец, серьезные размышления ученых о несложной операции, которая превратит человека в человека-амфибию. И все это наша эпоха, двадцатый век. Век наступления на космос и океан.

Проведенная несколько лет назад колоссальная комплексная экспедиция по изучению нашей планеты, осуществленная силами ученых всего мира, именуемая Международным Геофизическим Годом, накопила огромный материал, поставила перед наукой новые кардинальные проблемы. И среди них одна из важнейших — проблема океана.

Как никогда ярко, увидели ученые, что человек может стать истинным хозяином богатств планеты, хозяином, который, имея связку ключей, отпирает по своему желанию нужную ему кладовую и черпает богатства в нужном количестве, только тогда, когда досконально узнает, обследует, изучит дно океанов. Почему? Да потому, что именно там, на дне океанов, кора Земли в десять раз тоньше, чем на суше. Дно океана — продукт распада мантии Земли в наиболее чистом виде, именно сквозь дно океана легче всего добраться ученым к этой таинственной мантии — первовеществу всех даров природы, всех полезных ископаемых.

Международный Геофизический Год — фундаментальная разведка. Проделаны сотни тысяч замеров глубин, взяты сотни тысяч проб грунта, получены сотни километров пленки подводных фотографий. Ученые поняли, что им необходимо для дальнейшего наступления — карта. Подробная, обстоятельная карта. И тут оказалось, что ее нет. Просто не существует. Не существует потому, что не существовало насущной, острой проблемы изучения дна океанов. И вот тут-то ученые и поняли, что две трети нашей планеты — белое пятно. Белое пятно, которое необходимо стереть как можно скорее.

Их было всего 13 человек. Ученые и моряки. Океанологи. Самому старшему из них, руководителю группы Г. Б. Удинцеву,— 42. Самому молодому, безвременно умершему В. А. Минееву, было бы 30.

Они взялись стереть величайшее белое пятно — создать карту великой страны, лежащей под Тихим океаном. В группе были женщины—морские геологи Г. В. Агапова, Л. Я. Буданова, Н. И. Ларина, Н. А. Марова. Среди них был потомственный океанолог, блестящий подводный фотограф, создатель уникальной аппаратуры Н. Л. Зенкевич. Включился в работу опытный моряк-гидрограф, один из крупнейших специалистов в области морской картографии, И. П. Кучеров. Морские геологи, картографы В. Ф. Канаев, А. Ф. Береснев, Л. К. Затонский, А. Г. Иванов и, наконец, человек, без которого невозможно создать карту,— художник-картограф Е. П. Раутский.

До сих пор существовали карты океанов, которые мы все видели еще в школах,— голубые очертания водных пространств, кое-где более густо засиненные, кое-где совсем прозрачные. Глядя на такие карты, мы понимали: там—более глубокие места, а вот здесь — отмели. На некоторых, более точных картах глубины отмечались еще и линиями — изобатами, и эти линии чертили на дне океанов призрачные контуры подводного ландшафта. Верно ли это изображение? Оказалось, что совершенно неверно. Между прочим, один французский ученый провел любопытное исследование-шутку. Он отметил на контурной карте Франции примерно такое же количество «замеров» высот ландшафта, какое делалось на аналогичной площади океана. Затем он провел изобаты, соединяющие одинаковые высоты, и предложил своим коллегам определить, какой ландшафт изображен на карте. Никто не узнал в этом фантастическом изображении свою родную страну. В чем же дело?

Во-первых, в том, что весьма

Загадка, проблема, открытие, факт

ОБЛАКО НА БУМАГЕ

Атмосфера нашей планеты — это сложный и огромный механизм. Ветер гонит облака, сталкивает их. На месте растаявших облаков рождаются новые, и так без конца. Внутри облака происходят аналогичные явления — перемещение воздуха, столкновения масс паров и т. д.

Одна из актуальнейших задач метеорологов — проникнуть в суть этих явлений. Важный шаг в этом направлении сделал член-корреспондент АН СССР И. А. Кибель. Он разработал теорию внутренней динамики облаков, представив эти процессы в виде дифференциальных уравнений.

СПОР ГИПОТЕЗ

Утренняя звезда Венера издавна привлекает внимание астрономов. Много тайн хранит планета под густыми облаками, скрывающими ее поверхность от глаз наблюдателей. Советский ученый А. Д. Данилов установил связь между солнечной активностью и интенсивностью радиоизлучения Венеры. Это, по мнению ученого, подтверждает гипотезу о том, что источник интенсивного радиоизлучения Венеры — ее ионосфера.

УКОЛ В ЯЗЫК

Диагноз короткий — инфаркт миокарда. Нужно немедленно воздействовать на организм больного. В этом случае обычные инъекции лекарств недостаточно экстренны.

Изобретатель А. Г. Панков предложил делать укол в корень языка. При этом происходит особенно быстрое всасывание лекарства в организм. Ученый совет Научно-исследовательского института «Скорой помощи» имени Склифосовского на основании клинических испытаний дал положительную оценку новой форме инъекции.

МАГНИТОФОН-АВТОМАТ

Японская фирма Матсушита начала выпускать первый в мире акустически управляемый магнитофон на транзисторах. Запись на нем производится до тех пор, пока в микрофон попадают звуковые колебания определенной силы. Спустя некоторое время после окончания речи или музыки магнитофон автоматически выключается.



Вот они, четверо из тех, кто открыл великую страну, лежащую под толщей океана: Г. Б. Удинцев, Л. Я. Буданова, Г. В. Агапова, Н. А. Марова.

Фото Риммы Лихач.

примитивен метод составления подобных карт. Это метод так называемой линейной интерполяции. А означает он то, что точки замеров одинаковых глубин соединяются изобатами, и при этом принимается за истину, что дно океанов ровное. Разность же глубин обусловливается постепенным понижением или повышением этой гипотетической подводной равнины. А, во-вторых, неточность существующих батиметрических карт объяснялась недостаточным изучением дна: количеством замеров глубин, подводных фотографий, взятых проб и других данных.

Экспедиция Международного Геофизического Года дала столько материалов, сколько не получала океанология за последние сто лет.

Дело теперь было за самым сложным — как делать карту. Старым способом? Опять соединять точки замеров линиями изобат? Опять же принимая гипотезу о плоском дне? Но ведь именно за те три года, которые длился Международный Геофизический Год, установлено, что под толщей вод океанов лежат колоссальные страны с огромными горными хребтами, с глубочайшими провалами, с резко пересеченными равнинами. Ландшафт дна не менее причудлив, чем ландшафт суши. Старый метод явно не годился.

Советский океанолог Глеб Борисович Удинцев, один из ведущих научных сотрудников Института океанологии Академии наук СССР, давно задумывался над всеми этими вопросами. Еще в студенческие годы мечтал он познать тайны строения дна океанов. Еще тогда задумывался он над тем, какую силу даст человеку знание закономерностей истории и развития этих белых пятен на теле нашей планеты. И потому вполне естественно, что Глеб Удинцев и его друзья были в числе самых активных, самых деятельных участников Международного Геофизического Года. Плавая на экспедиционных судах, они своими руками щупали эту неведомую землю с помощью приборов, своими глазами заглядывали в бездны океанов с помощью совершенной фотоаппаратуры. И в плаваниях, в лабораториях института, изучая материалы, сопоставляя данные, размышляя, они пришли к решению проблемы. Они создали новый, качественно более совершенный метод создания карты. Они назвали его методом геоморфологической интерполяции.

Забегая вперед, я скажу, что видел карту дна Тихого океана, составленную Удинцевым и его сотрудниками. Она отличается от старых батиметрических карт так же, как отличается школьная контурная карта от серьезных научных изданий. Передо мною лежала голубая страна. И, несмотря на необычный цвет, я хорошо видел горные хребты и великие равнины, видел бездны провалов, по какой-то закономерности расположенные по всей окружности берегов океана, видел глубокие каньоны и широкие ступенчатые террасы; словом, передо мною была карта неведомой доселе страны, карта, глядя на которую уже можно серьезно, по-научному определить направление дальнейших исследований, намечать наиболее важные участки.

В чем же заключается метод геоморфологической интерполяции, в чем заключается это важнейшее открытие современной океанологии, уже сегодня в полной мере оцененное учеными мира, взятое на вооружение океанологами многих стран?

Удинцев и его друзья, работая над своей подводной картой, использовали не мнимые, а действительные закономерности строения поверхности дна океана. Учитывая законы развития и строения земной коры, лежащей под водой, сочетая точные данные замеров глубин с научными выводами, полученными при обследовании каждого данного участка, они, как мозаику, кусок за куском воссоздавали картину подводного ландшафта. А фантазия? Ведь, несмотря на все сказанное, фактически всего дна-то они не видели, топографическая съемка им была недоступна.

— Да,— отвечает Удинцев,— конечно, в такой работе роль фантазии весьма значительна. Но научная фантазия — это провидение истины, а не беспомощные поиски в темноте. Вот почему новая карта — это строго научно обоснованное произведение.

Но как же практически использовался новый метод при создании карты?

Представьте себе: корабль в море, работает эхолот, перо вычерчивает на ленте сложную кривую — профиль дна. Так создается эхолотный разрез. А курс корабля во время такой работы — это эхолотный галс. Корабль бороздит океан в разных направлениях сотни, тысячи раз, сотни, тысячи миль остаются за кормой и тысячи лент разрезов ложатся на стол картографа. А что между галсами? Белые пятна с точками замеров глубин. И вот, всматриваясь в контуры профилей, сравнивая глубины, изучая пробы грунтов, фотографии дна, морские геологи распространяют свое представление о ландшафте дна в этом районе вправо и влево от разреза, определяют формы хребтов, крутизну провалов, изгибы равнин. При этом они опираются на точное знание закономерностей истории и развития пород, слагающих кору Земли. Так создаются кусочки мозаики, из которых возникает карта. Метод геоморфологической интерполяции еще только возник. По мере развития морской геологии он даст возможность все большего уточнения подводного ландшафта. Таким образом, получается замкнутый круг: карта даст толчок развитию науки, развитие науки поможет составлять все более точные карты.

Но наши ученые никогда не отбрасывают старое наследие без полного использования его при создании нового. Рассказывая мне о работе над картой Тихого океана, Глеб Борисович сказал, что были подняты, исследованы, оценены данные за все сто лет существования океанологии. Около трехсот тысяч замеров глубин легли в основу работы над картой. Около восьмисот старых карт Тихого океана подверглось кропотливейшему исследованию.

Создание нового метода—важное открытие, позволившее всему миру увидеть великую подводную страну, расположенную под Тихим океаном.

ПЯТНАДЦАТЬ ТЫСЯЧ ГРАДУСОВ

Конструкцию высокочастотной плазменной печи, выдерживающей температуры до 15 тысяч градусов Цельсия, предложили сотрудники Ленинградского политехнического института А. В. Донской, С. В. Дресвин и Д. Г. Ратников.

Проблема практического использования высоких температур плазмы, в том числе и высокочастотной, неразрывно связана с вопросами термозащиты стенок разрядных камер. Изобретатели разработали принципиально новый тип разрядной камеры, в которой могут плавиться любые тугоплавкие материалы независимо от их электрических свойств. Новая плазменная печь успешно выдержала лабораторные испытания.

СУДНО-ФЛЮГЕР

Нефть трудно достать из глубины земли. Но еще больших усилий, умения и воли требуется от нефтедобытчиков в море. Им приходится вести борьбу с волнами и ветром. А как в морскую непогоду удержать судно на точке бурения?

Судно-флюгер, автоматически ориентирующееся по ветру и волнам, предложила группа бакинских специалистов Научно-исследовательского и проектного института «Гипронефтемаш». Судно удерживает на точке бурения специальная система якорей. Новая конструкция позволит вести разведочные работы и бурить глубокие и сверхглубокие морские скважины практически при любой погоде.

МИКРОСКОП В КАРМАНЕ

Английская фирма выпустила карманный микроскоп весом в 410 граммов. Несмотря на свои небольшие размеры, микроскоп дает увеличение в 2 тысячи раз и считается одним из самых точных оптических приборов. Он сделан из нержавеющих материалов, не требует никакой смазки, не реагирует на колебания температуры и не боится сотрясений.

Инструмент можно присоединить непосредственно к телевизионной или обычной фотографической камере.

МОЖНО И ТАК...

Большой вред хлопковым полям наносят майские жуки. Американским ученым долгое время не удавалось найти эффективный способ борьбы с этими вредителями. Недавно был предложен новый способ предохранения посевов хлопка от майских жуков. Рядом отвели участки под люцерну, которая является для них лакомством. Теперь жуки не трогают хлопок, они переключились на люцерну.

1866–1966

ОЧАРОВАННАЯ ДУША

Ф. НАРКИРЬЕР

На рисунках известного бельгийского художника Франса Мазереля запечатлен худой, чуть сгорбленный, аскетического вида человек. Ромен Роллан на прогулке в длинной, мягко ниспадающей крылатке. В той же крылатке, вполоборота, он сидит за письменным столом. Силуэтный набросок во весь рост: Роллан читает газету. Зарисовки в профиль, в три четверти. Открытый лоб мыслителя. Напряженный, сосредоточенный взгляд больших выпуклых глаз из-под взъерошенных бровей. Рисунки самые разнообразные, но все они передают одну мысль, одно чувство: физическая слабость и огромная, победная сила человеческого духа. Сила эта позволила Роллану бросить вызов силам националистической реакции в годы первой мировой войны, стать впоследствии одним из выдающихся деятелей международного антифашистского движения. Сила эта — отличительная черта любимых героев Роллана — рыцарей мысли, палладинов духа. В знаменитом предисловии к «Жизни Бетховена» Роллан провозглашал: «Мир погибает, задушенный своим трусливым и подлым эгоизмом. Мир задыхается. Распахнем же окна! Впустим вольный воздух! Пусть нас овеет дыханием героев». Дыханием героев и овеяно творчество Роллана.

Ромен Роллан — один из самых сложных писателей XX века. Но в этой сложности и противоречиях была своя простота и закономерность. Трудные, порой мучительные искания Роллана подчинены одной главной идее — идее преобразования мира на благо всего человечества и каждого человека в отдельности. Движение, преобразование, развитие — вот что лежит в основе творчества Роллана. Первый роман Роллана, «Жан-Кристоф», заканчивается аллегорической сценой: святой Христофор переносит через реку ребенка, имя которому — грядущий день. В «Очарованной душе» — последнем романе писателя — символично не только имя героини Аннеты Ривьер («rivière» — значит «река»). Глубокий смысл романа в том, что идея переустройства мира на новых началах захватывает самые широкие круги людей, становится непреодолимой силой нашего времени. Заглавие романа может быть в полной мере отнесено к его создателю.

Форма произведений Роллана — форма движения. Говоря о романе Барбюса «Огонь», Роллан сравнивал его с симфонией, где «тема, возвещенная с самого начала, формируется во всей своей полноте лишь в финале». Характеристика эта применима и к творениям самого Роллана. Вслед за Львом Толстым он был одним из первых писателей XX века, которые создавали не характерные для прошлого столетия циклы романов («Человеческая комедия» Бальзака, «Ругон-Маккары» Золя), а грандиозные полотна эпического размаха, единые в своем многообразии. «Роман-поток» — так определяет эту форму романа французская критика.

На заре XX века Роллан выступил с «Драмами революции» — циклом пьес, посвященных Французской революции XVIII столетия. Молодой драматург провозглашал принципы «Народного театра» и утверждал их в своих пьесах. «Четырнадцатое июля» — героическая драма о французском народе, взявшем Бастилию, пьеса, исполненная веры в то, что падут и «другие Бастилии».

«Бунт» — заглавие одной из центральных частей романа «Жан-Кристоф», законченного Ролланом в 1912 году. Герой его, гениальный композитор Жан-Кристоф Крафт, поднимает бунт сначала против мещанского общества и столь же мещанского искусства в Германии, затем — против «ярмарки на площади» буржуазной Франции. С гневом и болью обличает Роллан махинации политиканов, продажную прессу, изломанное, далекое от народа декадентское искусство.

В канун первой мировой войны Роллан создает «Кола Брюньона» — книгу об искусном резчике по дереву, мастере из Кламси, весельчаке и балагуре, столь далеком и столь близком Жан-Кристофу. Как и у Кристофа, у Кола — душа бунтаря. Вспомним его слова: «Терпи, терпи, наковальня. Терпи, пока ты наковальня. Бей, когда будешь молотом...»

Вера в свой родной народ, который выдержит все испытания, соберет силы и станет молотом, помогла Роллану выстоять в трагические дни лета 1914 года, когда была развязана первая в истории человечества мировая война. Известна поистине героическая позиция Роллана: он был первым в Европе писателем, выступившим против войны. Известна и та высокая оценка, которую давал выступлениям Роллана В. И. Ленин.

В мае 1917 года Роллан послал привет «свободной и несущей свободу России». В победе Октябрьской революции он прозорливо усмотрел «решающее событие для будущего Европы» (дневниковая запись от 6 декабря 1917 года). Не стоит упрощать позицию Роллана тех лет: он многого не понимал и не принимал в революции, в ее методах. В нашумевшей полемике с Анри Барбюсом (1921—1922 годы), утверждавшим необходимость революционного действия, Роллан отстаивал дорогую ему идею «независимости духа». Но, несмотря на всю серьезность разногласий с Барбюсом, Роллан пришел позже к выводу: «Наши тезисы представляли собой две стороны одной и той же монеты. И на обеих этих сторонах, и лицевой и оборотной, стояла печать революции». И главное: всегда неизменными были его чувства к новой России. В письме Полю Вайяну-Кутюрье (23 апреля 1923 года) Роллан приводит его слова «Иди на Восток!» и добавляет: «Я часто думал о крепких англичанах XVII века, которые отправились в дальний путь, чтобы основать новую родину. Будь у меня дети, я бы тоже уехал»[1]. В мае 1939 года Роллан провозглашал: «Никто не сможет разъединить нас с Советским Союзом. От одного конца Европы к другому наши руки соединяются. Мы соединяемся для свободного и мудрого сотрудничества всех народов и всех рас».

Тридцатые годы... Черный паук-свастика ползет по Европе. Угроза миру, культуре, всему человечеству. Перед лицом смертельной опасности честные люди протягивают друг другу руки. И в первом ряду — Ромен Роллан. Для Роллана это время «прощания с прошлым»: писатель отказывается от многих иллюзий прекраснодушного, отвлеченного гуманизма. Свои статьи, написанные против войны, против фашизма, он публикует под программным заглавием «Через революцию — к миру». Защитник Сакко и Ванцетти, Грамши, Тельмана, Димитрова, он был вместе с Анри Барбюсом инициатором Международного антивоенного конгресса в Амстердаме в 1932 году. Роллан — у истоков современного движения сторонников мира.

В 30-е годы завершает Ромен Роллан грандиозное повествование — «Очарованную душу». Аннета Ривьер — младшая сестра Кола Брюньона по силе духа, любви к жизни, привязанности к родной французской земле. Такой же рыцарь мысли, что и Жан-Кристоф, она не ограничивается, не может удовлетвориться одной только моральной победой. Представи-

[1] Письмо Р. Роллана П. Вайяну-Кутюрье было впервые опубликовано в журнале «Огонек» (1962, № 42).

Читая французский перевод своего «Фауста», сделанный Жераром де Нервалем, старый Гете говорил, что этот перевод освежает и обновляет его собственное представление о его поэме.

То же самое я испытываю, глядя на жизнерадостные рисунки Кибрика к моему «Кола Брюньону»...

Это — создание сильного и своеобразного художника, накладывающего свою печать на все, что он видит... Я любуюсь его коренастыми типами и тем ощущением жаркой жизни, лучезарного и мягкого воздуха, который окутывает его фигуры...

Я приветствую Кибрика, мастера жизни и юмора, который сумеет быть в свои счастливые часы также и мастером красоты. Я благодарю его от имени моей Бургундии...

Romain Rolland



Кола Брюньон.

Автолитографии Е. КИБРИКА к роману «Кола Брюньон» РОМЕНА РОЛЛАНА.



Кола с внучкой.



Ласочка.

Кола с нотариусом Пайаром.



На площади.





Кола, увидевший гибель своих произведений.



Бревский кюре.

ЧЕЛОВЕК ЧЕЛОВЕЧЕСТВА

(РОМЕН РОЛЛАН В ГОСТЯХ У ГОРЬКОГО)

Александр **ИСБАХ**

В письме к Роллану, написанном из Сорренто 6 мая 1933 года, Алексей Максимович Горький назвал автора «Жан-Кристофа» одним из тех немногих, «имя каждого из коих достойно величайшего титула — Человек Человечества».

На протяжении многих лет эти замечательные люди были связаны узами крепкой дружбы и любви.

С радостью сообщает Горький Роллану, что советские литераторы именуют его «наш Ромен Роллан» и в этом «наш» скрыта большая, искренняя любовь.

И вот Ромен Роллан приезжает в Москву, в гости к народу, который он глубоко полюбил, к своему большому другу Максиму Горькому.

Мне хочется сегодня рассказать о днях пребывания Роллана в Советском Союзе.

Ромен Роллан приехал в Москву 23 июня 1935 года. Он пробыл в столице СССР почти целый месяц (до 21 июля).

В один из жарких июльских дней члены редколлегии журнала «Октябрь» В. П. Ильенков, А. А. Сурков и автор этих строк навестили Ромена Роллана в гостинице, где он жил. При нашей встрече присутствовала жена Ромена Роллана, Мария Павловна, которая в качестве переводчицы очень помогла развернувшемуся разговору. Ромен Роллан был нездоров, и мы не хотели отнимать у него много времени. Разговор шел о журнале «Октябрь», о советской литературе, о печатавшихся в журнале отрывках из «Очарованной души» и «Дневников военных лет». Роллан говорил о том, что его очень интересуют отклики советских читателей на каждое его произведение. Он взволнованно рассказал нам о тех русских писателях-эмигрантах, вроде Бальмонта, которые постоянно пытаются вбить клин между ним и Советским Союзом, и о том, какое большое значение имеют для него письма Максима Горького, каждая весточка от советских писателей и читателей, о том, как счастлив он сейчас познакомиться с советскими людьми.

Роллан говорил и о том, о чем писал он в своих дневниках,— что некоторые литераторы пытались представить его (используя его любовь к Толстому и Ганди) как некоего непротивленца. Нет, непротивленцем он не был никогда, он всегда бросался в схватку и будет бросаться всегда, когда нужно будет защитить человечество от войны, от реакции, от фашизма.

— У меня много врагов в Европе,— с горечью говорил Ромен Роллан.— Когда вышел в свет мой «Кола Брюньон», вся парижская печать бойкотировала эту книгу. Даже просьба поместить в газетах простое объявление о выходе «Кола Брюньона» встретила отказ всей реакционной прессы. Молчание хранила даже социалистическая печать. А теперь «Кола Брюньон» нашел многие тысячи друзей не только среди простых людей Франции, но во всем Советском Союзе. Это глубоко трогает меня, радует, помогает жить и творить.

Видя, как взволновался Ромен Роллан, Мария Павловна уже несколько раз делала нам таинственные знаки о том, что надо кончать беседу. Но Роллан не отпускал нас, да и нам, признаться, не хотелось покидать его.

В этот день на Красной площади должен был состояться традиционный парад физкультурников. Роллан был приглашен на трибуну. Однако, как пожаловался он нам, врачи запретили ему выходить. Это очень огорчало его.

— Помогите мне убежать,— сказал он заговорщически, воспользовавшись минутным отсутствием Марии Павловны.

Мы, конечно, посмеялись. Как могли мы помочь Ромену Роллану? У нас не было с собой ни романтических плащей с капюшонами, ни веревочных лестниц...

Очень тепло простились мы с Ролланом, а через несколько часов отправились на Красную площадь.

Каково же было наше удивление, когда внизу, у правительственных трибун, мы увидели... Ромена Роллана. Он сидел на специально принесенном стуле, закутанный в плед. Рядом с ним стоял Горький. Как узнали мы потом, Роллан настоял на своем и убедил врачей отпустить его на площадь на полчаса.

Однако прошло уже и полчаса, и час, и два часа, а Роллан все не уходил с площади. Мы стояли неподалеку и видели, как он то и дело взволнованно привставал со стула, махал рукой проходившим стройными рядами физкультурникам, которые узнали любимого писателя и восторженно приветствовали его и Горького.

После парада нам удалось еще раз обменяться несколькими словами с Роменом Ролланом.

— Как же мог я уйти с площади,— улыбнулся Роллан на наш вопрос,— когда мимо меня нескончаемыми рядами проходили Кола Брюньоны вашей страны!

...У подъезда своей дачи в Горках Алексей Максимович встречает советских писателей, приглашенных на встречу с Роменом Ролланом.

— Сегодня я здесь не хозяин,— говорит он нам, усмехаясь в густые свои усы.— Сегодня хозяин Ромен Роллан. Но я должен вас предупредить,— продолжает Горький, и в глазах его появляются ехидные огоньки,— я вас хорошо знаю, и я к вам уже привык. Вы, конечно, начнете произносить огромные речи. Каждый, небось, уже тезисы заготовил. Мы люди привычные. А Роллан — европеец, здоровье у него неважное, и я боюсь, что вы можете уморить его длинными речами. Так что мы с вами давайте условимся: покороче. Роллан будет спрашивать, а вы отвечайте.

Мы вошли в зал. Алексей Максимович сел где-то в углу, молчал и во все время беседы только хмурил свои мохнатые брови.

Роллан вошел в сопровождении Марии Павловны. В зале было не очень тепло, и он кутался в теплый плед. Мы приветствовали его. Наступила минута неловкого молчания. А потом кто-то из руководителей союза начал рассказывать Ромену Роллану о наших творческих делах. Забыв предупреждение Горького, он говорил долго и скучно. Горький все более хмурил брови и поводил усами. А потом встал и сказал довольно категорически:

— Вот что, товарищи, я думаю, что докладов нам больше не нужно. Пусть все, кто говорит по-французски, подойдут поближе, и мы побеседуем без переводчиков.

Это предложение Горького сразу разрядило обстановку. Мы окружили Роллана. Вперед «вырвались» Мариэтта Сергеевна Шагинян, Лев Вениаминович Никулин... Завязалась живая, непринужденная беседа. В ней, насколько помню, принимали участие Валентин Катаев, Илья Сельвинский, Агния Барто, немецкий писатель Альфред Курелла и многие другие. Роллан интересовался новыми книгами, спрашивал об Островском, о Шолохове, о Михаиле Ильине, авторе широко известной на Западе книги «Горы и люди».

Через несколько дней там же, в Горках, при встрече Роллана с работниками искусства разговор возник вокруг романа «Кола Брюньон». Недавно этот роман был радиоинсценирован, и по этому поводу Роллан написал специальное обращение к советским радиослушателям. Ожидалась постановка «Кола Брюньона» на сцене. Шли разговоры об опере. Кинорежиссер Григорий Рошаль мечтал об экранизации «Кола Брюньона» и рассказал об этом Роллану. Роллан заинтересовался, но сказал с сомнением, что трудно будет передать на экране обстановку Кламси. Ведь отношения Советского Союза с Францией довольно холодные, и вряд ли советскую киноэкспедицию пустят во Францию. Да и потом, кто же сумеет сыграть очень характерную, типично бургундскую роль Кола Брюньона?

Когда Ромен Роллан ушел, Алексей Максимович задержал гостей и заговорил о «Кола Брюньоне». Он еще раз сказал нам о том, какая это замечательная книга. Потом, лукаво улыбаясь, заметил:

— А что касается постановки... я вам на Волге разыщу такое местечко, что сумеет вполне соответствовать Кламси, ежели, конечно, кое-что подстроить. А что касается самого Кола Брюньона, мы попросим Бориса Васильевича Щукина, он, пожалуй, самого Брюньона перебрюньонит.

В словах Горького чувствовалась огромная любовь к замечательному произведению Роллана.

тельница лучшей части западной интеллигенции, Аннета Ривьер обретает свое место в рядах антифашистского фронта. Вместе с Аннетой ее сын Марк, павший от руки чернорубашечников, жена Марка — Ася, юные трепетные души и умудренные жизнью старцы. В «Очарованной душе» с особой силой сказалась примечательная особенность дарования писателя — умение создавать мужественные образы людей, противоборствующих бесчеловечному строю жизни. Писатель запечатлел не только «конец одного мира», но и рождение другого, нового мира. Действительность предстает перед нами в вечном обновлении, развитии, в сложном, противоречивом, но всегда поступательном движении, озаренном светом самых передовых идей нашего времени. Недаром мысли Роллана были обращены к Ленину. «Как никто другой, он воплощает в себе ту годину человеческой истории и деятельности, имя которой — пролетарская революция» (статья «Ленин. Искусство и действие»).

Трагедийный и мажорный финал художественного творчества Роллана — историческая драма «Робеспьер», увидевшая свет в 1939 году, в самый канун войны. «Робеспьер» — последняя пьеса из цикла «Драмы революции», итог и завершение пути. Роллан восславил истинных героев Французской революции — якобинцев. И вместе с тем с беспощадной силой логики он запечатлел трагедию революционеров, которые всеми своими помыслами были с народом, но в решающую минуту оказались от него далеки. Примечателен финал пьесы: «Марсельеза» переходит в мощные звуки «Интернационала».

Здесь Роллан с необычайной чуткостью уловил характерную особенность своего времени. В годы антифашистского движения Сопротивления французский народ осознал до конца единство своих патриотических и интернационалистских устремлений. Приходят на память слова Арагона из патетической «Баллады о том, кто пел во время казни».

Под пулями успел он фразу
Пропеть: «К оружью, граж...»
И грянул залп. И рухнул сразу
Товарищ славный наш.
Но «Марсельеза» стала скоро
Той песнею другой,
Той самой лучшею, с которой
Воспрянет род людской.

Перевод П. Антокольского.

В произведениях Роллана, написанных в тяжкую годину войны, воспоминаниях, работах о Бетховене, книге о друге юности писателе Шарле Пеги, сложившем голову на фронте в 1914 году, усиливаются черты созерцательности, обостряются противоречия былых лет.

Но всей душой престарелый писатель был с теми, кто сражался за независимую, свободную Францию. До конца своих дней Роллан был верен высоким идеалам гуманизма и демократии.

Сто лет прошло со дня рождения Ромена Роллана. И сегодня худой, чуть сгорбленный человек с внимательным взглядом больших светлых глаз — с нами.

ВЫ ОТКРЫВАЕТЕ НОВОЕ ТЫСЯЧЕЛЕТИЕ...

В парижском архиве Ромена Роллана, принадлежащем Марии Павловне Кудашевой-Роллан, автору этих строк посчастливилось найти фрагменты неизвестного письма Роллана венгерскому писателю Беле Иллешу, в то время одному из редакторов журнала «Интернациональная литература». Письмо датировано 26 мая 1934 года. То был канун Первого съезда советских писателей, у нас в стране шли бурные споры о сущности нового революционного искусства и его творческого метода — социалистического реализма.

Публикуемые сегодня впервые строки письма Ромена Роллана — слово участия великого французского писателя в творческой дискуссии, не потерявшей своей актуальности и по сей день.

Кандидат филологических наук Т. В. БАЛАШОВА

...Теперь, дорогой товарищ Бела Иллеш, несколько слов **о социалистическом реализме**, который является, согласно уставу Союза советских писателей, «ведущим методом советской литературы».

Как никто другой я защищаю необходимость живой связи художника с конкретной реальностью, чтобы он не просто изучал ее, но жил ею в процессе творческого деяния. Я писал:

«Мысль, не завершающаяся действием,— выкидыш или предательство».

И я стремился к тому, чтобы все написанное мною было действием.

Я одобряю поэтому желание советских писателей слить свое искусство с эволюционными и революционными волнами, которые бушуют, разрушают и созидают. Такое искусство участвует в движении живых сил эпохи. И подобно им становится элементом Природы.

Но новому, грядущему строю, воздвигаемому Революцией, не нужно и даже вредно ограничивать задачи искусства этой одной, единственной.

Поэзии надо оставить простор для чистых размышлений и свободных духовных мечтаний. Подобно тому как науке нужна безграничная свобода для исследования, для глубинной работы мысли, совсем не всегда имеющей в виду немедленный практический результат, но долго потом питающей из этого неиссякаемого источника все прикладные науки,— подобным образом надо сохранить в неприкосновенности область лиризма — поэтической сосредоточенности и внутреннего кипения. Это самые сокровенные богатства человеческого ума. Если прибегнуть к метафоре, их можно сравнить с бесценными залежами недр — резервом будущего. В творчестве великих поэтов—таких, как Гете, Гюго, Шекспир, Данте, Эсхил,— всегда было два потока: один — сливающийся с движением их времени; другой — расположенный много глубже и выходящий за пределы надежд и потребностей данного века. Он питает и сейчас новые века. Он приносит поэтам и их народам вечную славу.

Товарищи, берегите эти богатства. Ведь вы трудитесь не только для настоящего. Вы открываете новое тысячелетие — для него трудитесь вы. Дайте же простор поэтам и ученым, чьи голоса будут звучать в веках! Поддерживайте бескорыстную поэзию и бескорыстную науку! Все, что добыто искусством или наукой на полях красоты и истины,— семенные закрома нового мира, который вы строите.

Кстати, я вовсе не думаю, что художник (или ученый) должен освободиться от общественно полезного труда. Напротив, такой труд — не только справедливый долг по отношению к обществу, но великое благо и естественная гигиена ума. Интеллектуальная сосредоточенность и продуктивная отдача должны сочетаться, уравновешивать друг друга. Цельный человек — тот, кто умеет сохранить богатую внутреннюю жизнь, постоянно отдавая часть ее энергии общему делу.

Шлю всем нашим товарищам из Союза советских писателей мой братский привет...

Ромен РОЛЛАН

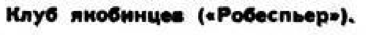
«ТЕАТР РЕВОЛЮЦИИ»

«Искусство призвано служить не мечте, а жизни. Под влиянием зрелища, изображающего действие, должна родиться и воля к действию» — так заканчивается авторское предисловие к драме «Четырнадцатое июля», посвященной народу Парижа. И слова эти, написанные в 1901 году, полностью объясняют, почему Ромен Роллан задумал и создал цикл пьес о событиях Французской революции. Над этим крупнейшим из своих драматических циклов писатель работал сорок лет.

Мы публикуем здесь иллюстрации художника Павла Бунина к «Драмам революции» Ромена Роллана.



Робеспьер в Конвенте («Робеспьер»).





Клуб якобинцев («Робеспьер»).

Как покупа... и пр... справедливо

К дверям театрального здания на Малой Бронной (столичные театры стало модным именовать запросто — по названию улицы, площади либо переулка, где они находятся) не скоро пробьешься... Всякая мода, как известно,— явление сугубо преходящее. Однако интерес публики к драматическому театру, что расположен на узкой и тихой улочке Малая Бронная, не связан с жадным обывательским тяготением к «остренькому». С постоянным аншлагом здесь идут человечнейшие спектакли «Мать» и «Жив человек». А сейчас все хотят смотреть премьеру «Визит дамы».

Радуясь успеху постановки, созданной по пьесе Ф. Дюренматта талантливым режиссером Андреем Гончаровым, думаешь, что спектакль — благодаря яркости, современности и замысла и воплощения — вероятно, внесет нечто новое в неумолчные споры, идущие вокруг искусства сцены.

«Визит дамы» — веское доказательство непреложной истины, что сила театра в единстве и гармонии всех его слагаемых и что главная его цель — создание сильного человеческого образа. Вне героя, наделенного глубокими переживаниями, страстями — добрыми или злыми, но страстями, рождающими ответный отклик в единой большой душе зрительного зала,— нет театра вообще.

Режиссер А. Гончаров, обнаружив в «Визите дамы» те самые «страсти современной души», о которых прозорливо говорил Станиславский, заглядывая в будущее театра, находит для необычных, необыденных переживаний героев столь же необычное, необыденное сценическое выражение. Он создает спектакль-фарс, спектакль-гротеск. А вместе с тем в постановке ощутимо живет трагедия, живет тончайшее проникновение в глубины человеческой души, без которого не мыслишь себе прекрасного искусства Л. Сухаревской и Б. Тенина... Тем радостней, что их успех — это успех ансамбля, всех его участников, ощутивших художественную идею А. Гончарова, как свою собственную. Это режиссеры В. Храмов и И. Судакова, художники В. Кривошеина и Е. Коваленко, композитор Э. Артемьев, режиссеры по пантомиме А. Орлов и Е. Лаговский. Это все актеры, включая укрытые масками бессловесные человекоподобные существа, празднующие уничтожение человека в финале спектакля...

Зрителю интересно. Но это интерес не соглядатая, а участника жизни, размышляющего о ней с самых главных, важнейших позиций современности. А ведь что греха таить, мастерски написанные, отточенно-сюжетные произведения Ф. Дюренматта, так же как пьесы А. Миллера и Б. Брехта, способны обеспечить любому театру просто «кассовый» спектакль. Поэтому их частенько и ставят для развлечения публики. Тогда как их суть — в обличении капитализма, в отрицании отношений, уродующих человеческую душу. И в утверждении добра; в призыве, обращенном к человеку,— уметь противостоять бесчеловечности.

Конечно, воплотить в жизнь спектакля эти качества драматургии, практически реализовать их — совсем не так просто. Ибо никакие «современные» ухищрения формы, никакой антураж, привлеченный занимательности ради — ни пантомима, ни танцы, ни цирковые трюки, ни грохот перестрелки, ни световые эффекты,— не могут заменить силы живых

КАПЕЛЬКА КОЛДОВСТВА

Н. ХРАБРОВА

Женщины получили в подарок маленькие флаконы. Нетерпеливые руки откроют пробку, и выпорхнет из флакона душистый, лукавый невидимка. Выпорхнет и сразу отодвинет заботы, заставит улыбнуться и простить дарящему все большие и малые прегрешения...

Приятные ароматы хвои, цветов и горьких трав в незапамятные времена стали необходимы человеку. Уходили за благовониями в неведомые моря и страны корабли египтян под черными с золотой каймой парусами — так были сделаны географические открытия. Богам, воинам и поэтам курили фимиам. Римляне устраивали душистые фонтаны и бассейны в своих дворцах. Позднее французы создали из ароматических растений причудливое сочетание науки, искусства и промышленности — парфюмерию. И тайфуны страстей забушевали вокруг нее на международном рынке! С природными тонкими запахами французской парфюмерии позже стала конкурировать немецкая, синтетического происхождения.

В последние годы в мире растет интерес к советским духам. Созданные на натуральных маслах и потому стойкие, духи наши к тому же и недороги: они стоят столько, сколько должны стоить хорошие духи без десятикратной надбавки за сенсационность и за марку фирмы.

Кто же у нас ныне среди запевал в мире ароматов?

Рига — так утверждают знатоки.

Во дворе парфюмерного завода «Дзинтарс» грузовики бережно принимают хрупкий груз — ящики, на которых нарисованы зонтики и бокалы на длинных тонких ножках. Перевод с международного языка рисунков таков: нельзя кантовать, нельзя держать ни под дождем, ни под снегом. Рабочие, осторожно погрузив ящики, накрывают и увозят их. Куда? Сегодня — в Болгарию, завтра — в Монголию. Недавно отправляли на Кипр, в Польшу, в ГДР, в Венгрию и даже в Танзанию и Сомали. Англия затребовала у Риги духи «Ледле» и «Дзинтарс». Фирма Виктора Камкина в США, а также некото-

Н. ТОЛЧЕНОВА

ют
одают
сть

человеческих эмоций на сцене. Зато, оттеняя эмоции, приходя к ним на подспорье, театр способен многократно усилить накал страстей, сделать смысл событий еще более выразительным и острым.

Так это и происходит в театре на Малой Бронной, где нам показывают визит дамы-мультимиллионерши Клер Цеханассьян в забытый богом захолустный городок Гюлен. Когда-то в Гюлене родилась и выросла эта самая дама, пережила первую любовь, была обманута и брошена своим любовником Иллом. Сорок пять лет назад Гюлен с позором изгнал беременную девчонку, которая потом пошла по рукам, пока не подобрал ее старик с большими капиталами. А Илл получил то, что хотел,— безобразную жену и лавочку в приданое... Вполне обычная история. Необычно выглядит лишь теперешнее намерение Клер «купить справедливость» у Гюлена. Собственно, она за этим сюда и пожаловала. Миллиардерша сделает город Гюлен богатым, но за это пусть он казнит Илла... Таково условие игры в пьесе. И театр принимает игру как игру. Но обнажает в этой игре — чем дальше, тем острее и ярче — ее людоедскую, по сути дела, фашистскую сущность, поскольку благополучие граждан Гюлена поставлено в прямую зависимость от убийства.

Миллиард долларов готова выплатить Клер за убийство нищему городку, нищим и рваным, какимто одинаково безрадостным, серым людям... Беспросветно равнодушны они ко всему на свете в начале спектакля, кроме тайной жажды денег; но поглядели бы вы на них к концу,— как же стали они наглы и самодовольны!..

Олицетворение всемогущей власти денег — Клер-Сухаревская, экстравагантная и моложавая, появляется этакой веселой и демократической причудницей, в черном бархате, с красной розой на груди и в красных перчатках до локтя; шляпа из черных дикарских перьев на огненно-рыжих волосах дополняет туалет миллиардерши. Рядом с безнадежно тусклыми, серыми людьми Гюлена Клер ослепительна.

Самое замечательное, что за вполне гротесковой, условной фигурой своей героини Сухаревская находит не просто живой человеческий характер, а живое многообразие страстей. Она находит искалеченную судьбу, злую душу, жаждущую мести, которая теперь сама калечит все живое.

Местью и обидой — застарелыми муками, необратимо искалечившими человеческую душу,— объясняет Сухаревская многие поступки, многие выходки своей Клер. Не что иное, как скрытая месть Иллу,— ее седьмой, восьмой, девятый мужья... А какая давняя, детально обдуманная месть живет в каждом движении Клер, когда она, словно какая-нибудь поденщица, вынимает из лифчика истлевшую бумажку — свидетельство о смерти дочки. Это был ребенок Илла. Теперь бумажка больше не нужна. Клер-Сухаревская рвет ее долго-долго, медленно сыплет вокруг себя мельчайшие обрывки прошлого и негромко обещает Иллу — живому еще человеку,— что красиво похоронит его на берегу моря... А в душе Илла-Тенина просыпается сострадание, стыд и гнев на себя за давнее, содеянное им зло. Хотя в простоте своей Илл пока не видит зла еще более страшного, обернувшегося теперь уже против него самого.

Лидия Сухаревская непостижимо проникает в секреты злейшего зла на земле — секреты фашизма. Она раскрывает нам его внутреннее, психологическое устройство. Ибо и у фашизма есть своя психология! Мы ведь только так говорим: «Нелюди». И, конечно, легче всего Сухаревской было бы сыграть просто деревянную либо картонную куклу; недаром же у Клер после аварии самолета так много протезов — и рука и нога... Но самые злые убийцы дышат одним воздухом с нами; у них, оказывается, тоже есть свои желания, своя боль...

Актриса вовсе не предлагает нам разделить эту боль. И она не взывает о сочувствии к Клер, но помогает понять движения ее «мохнатого», а все равно живого сердца. Клер-Сухаревская, и жертва и орудие зла, живет законами, не ведающими пощады, мы опятьтаки называем их по-разному: «волчьи» законы, «законы джунглей»... Да нет же, это не волк, а человек перед нами! Посмотрите же на него, как он страшен!..

...Борис Тенин имел в спектакле более легкую на первый взгляд задачу. В пьесе и его герой условен. На сцене же мы снова видим живого, чувствующего человека... По мере того, как расцветает и оживляется, наливаясь кровью, как клоп, город Гюлен, тускнеет и сереет Илл-Тенин. Он не трус и не боится умереть, но он страдает, видя, как неотвратимо глубоко погрязает городок в атмосфере предательства, как торопливо, хищно, жадно обзаводятся сограждане — пока в долг! — богатыми вещами, дорогой одеждой, вкусной едой... Обзаводятся все, включая детей и жену Илла!.. В оплату долга Илл умрет.

Тщетно Илл Тенина ищет защиты и пристанища в полиции, ратуше, церкви; даже у священника появилась дорогая обнова — колокол. Серебряным голосом вызванивает этот колокол о предательстве — о страшной беде, постигшей Гюлен. Ибо люди, продающие справедливость, так же перестают быть людьми, как и те, кто ее покупает...

Будто привязанный к колоколу на длинной веревке, прыгает священник в сутане, раскачиваясь из стороны в сторону. «Беги!» — кричит он с вышки Иллу. Это последнее слово правды в Гюлене — совет о бегстве. Однако Илл не может убежать: его стерегут, освещают прожекторами. Мечутся, быстро перекрещиваясь, огненные сполохи прожекторов в черном мраке города убийц...

Декорация — жесткие прямые металлические конструкции и лестницы, остроумно изображающие на сцене то вокзал, куда приезжает Клер, то лес, то лавку Илла, то молельню, то улицы Гюлена,— теперь представляет темницу Илла. Ее украсит нарядная реклама «кока-колы» и жарко осветят огни юпитеров, когда «отцы города» при общем ликовании всенародно объявят тумано-велеречивый, но беспощадный приговор Иллу, а потом сами же приведут его в исполнение, работая беззвучно и деловито,— видны только взмахи рук над грубо поверженным телом...

Штатские друзья Илла в этой страшной пантомиме становятся неуловимо похожими на фюреров всех чинов и рангов,— ботинки с крагами, фуражки с высокими тульями, засученные рукава палачей...

В финале Гюлен провожает Клер; визит дамы окончен. Она купила справедливость! Хотя покупка, кажется, не очень-то ее радует. Теперь это старуха — седая, несчастная, хромающая. Клер протягивает бургомистру чек на миллиард; ноги ее беспомощно подламываются... Вспоминаешь, что пьеса ведь не зря называется «Визит старой дамы» ...Теперь до этой дамы никому нет дела. Вокруг нее ликует толпа убийц: одинаково плоские уши, лбы, рты, лысины... Это маски; каждый артист держит по нескольку масок на палке, создавая впечатление огромного стада отвратительно одинаковых, отвратительно благопристойных существ, жаждущих сытости и развлечений...

Илл-Тенин, чье недвижное тело мы только что видели под клетчатым, пестрым флагом, выходит из-за кулис на бесконечные вызовы публики вместе с улыбающейся Клер-Сухаревской. Люди шумят, рукоплещут и нехотя покидают театр, чтобы долго еще хранить в себе живой напор чувств, рожденных острым, горячим спектаклем о современности. Спектаклем, в котором режиссер не «надумывает» современность, а думает о ней как гражданин, мыслит ею и чувствует ее как художник.



Лидия Сухаревская в роли Клер Цеханассьян.



Илл — Борис Тенин.

Фото А. Гладштейна.

рые канадские и австралийские фирмы стали постоянными заказчиками «Дзинтарса». Завод участвовал в международных ярмарках в Загребе, Лейпциге, Познани, Пловдиве, Копенгагене, Измире. Образцы здешних изделий отправляются на постоянно действующую выставку в Нью-Йорк. И, само собой разумеется, львиная доля продукции идет на внутренний рынок.

Вспоминается разговор двух москвичек:

— Это у тебя французские духи «Трезор»?

— Нет, рижские «Не забывай».

И «Трезор» и «Не забывай» стоят в витрине у главного парфюмера завода Брониславы Шварцман; можно сравнить их. Запахи и впрямь похожи.

Но Бронислава Шварцман против эпигонства.

— Я училась у главного парфюмера «Новой зари» Павла Васильевича Иванова,— рассказывает она,— это прекрасный мастер, можно было бы позаимствовать у него много рецептов. Мне думается, я увезла главный: наставление Павла Васильевича о собственном почерке.

Воздух в отделе главного парфюмера являет собой смесь прекраснейших запахов. И все же «почерк» хозяйки хорошо «читается» в этой душистой неразберихе. Этот почерк — струйка горьковатого запаха — навевает воспоминания о летнем степном вечере, когда, остывая от горячего ветра, особенно терпко, нежно и чуть тревожно пахнет полынь. Лирически-сладкий запах цветов еле уловим здесь, хотя Бронислава Абрамовна вовсе не отрицает обаяния сирени, ландыша или жасмина.

— Однако из двух основных направлений парфюмерии — цветочного и фантазийного — я предпочитаю второе,— говорит она,— именно потому, что здесь не надо преследовать заранее заданное сходство. Тут можно искать. А поиск в мире запахов так же заманчив, как и любой другой поиск. На поиск надо выходить хорошо вооруженным: память должна хранить основные запахи из набора парфюмера, а их так много... В какой-то счастливый день возникает у тебя идея нового запаха, совсем еще неясная, как обрывок мелодии. Скорее зови на помощь память: что из набора душистых веществ соответствует этой новой мелодии? Что гармонирует с ней, как и чем можно ее «оркестровать»? Тут нужна осторожность: как бы новые компоненты не забили основной темы, ведь она может и ускользнуть или стать банальной... Иногда мне кажется, одной химии в нашем деле мало, нужна еще капелька колдовства... Долго, в сомнениях, пока еще только в воображении рождается рецепт. Первый состав по рецепту — лишь грубый слепок. Его надо чистить, облагораживать, убирать резкость или, как мы говорим, округлять. А округленный и облагороженный, он еще долго должен отстаиваться, чтобы как следует проявиться. И тогда уж, пока безымянный и по-казенному занумерованный, новый запах выносится на наш дегустационный совет. Если мы сами его утвердим, надо будет еще испытывать, калькулировать аромат, прежде чем отправить на главный экзамен — в Москву. И вот наконец придирчивость экзаменаторов оборачивается добротой, и запах уходит от нас в производство. Начинает жить своей сначала деловой, а потом праздничной жизнью. И тогда начинается новый поиск, потому что радость от каждой находки мимолетна. Взгляните-ка.— И Бронислава Абрамовна ведет нас за стеклянную стену, туда, где стоят столы парфюмеров.

Над столами на круглых полках в коричневых с притертыми пробками бутылках живут двести душистых тайн — масла и жидкости с трудными названиями: изоэвгенол, тибетолид, амбриаль, цикламенальдегид, флердоранж... Сколько композиций можно составить из этих душистых веществ! Сколько еще в них тайн, которые хочется разгадать!

Мы познакомились с парфюмерами «Дзинтарса» Мариной Юревич, Милдой Алберге и Лилией Медынской. Они работают все вместе и каждая порознь, каждая ищет и находит свой почерк.

Нас пригласили на очередную дегустацию. Это было торжественно: в черном стекле дугой составленных столиков светло отражались цветные флаконы и веера надушенных и пронумерованных полосок бумаги. Члены дегустационного совета подносили их к носу и сосредоточенно застывали; потом смазывали капельками из флаконов руки у основания большого пальца и долго выясняли, как ведут себя на коже номер 262, 263 и 82... Нюхали прямо из флаконов и проверяли на ткани, писали оценки и отзывы на листах бумаги, голосовали и бурно спорили. Решали, какие духи надо приготовить по заказу Аэрофлота, и окрестили эти будущие духи «Серебристой стрелой». Айна Августовна Пашко предлагала новые формы флаконов, коробок и этикеток: хорошим духам нужна красивая оправа!

Бронислава Абрамовна познакомила нас со своей ученицей Лилей Осиповой. Лиля еще студентка, работает цеховым парфюмером, ей доверено это потому, что она обладает чувством современности в парфюмерии и индивидуальностью в оценках. Лиля показала нам свои владения — запаянные металлические фляги с драгоценными маслами, огромные герметически закрытые котлы — отстойники, тонны и десятки тонн духов и одеколонов. Лиля снаряжает в большую жизнь лабораторные замыслы парфюмеров — душистые невидимки по имени «Иоланта», «Аве, Сол!», «Дон-Жуан», «Рижанин», «Рижанка», «Агат», «Менуэт», «Силуэт», «Зилите»... А потом их расселяют по флаконам и отправляют в тысячи дорог.



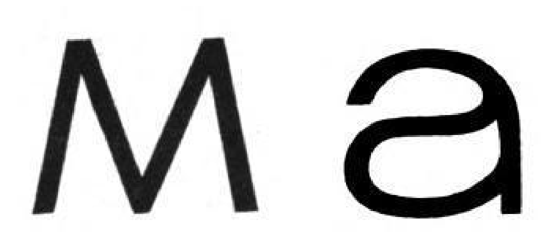
Фото В. Сальмре.



Мария ХАЛФИНА

Повесть

Рисунки П. ПИНКИСЕВИЧА.



Как-то прибежал он с улицы, весь в глине, потный, возбужденный. Прибежал, чтобы поесть на ходу и скорее бежать обратно.

На берегу Каменки, за новыми сараями, строили они под руководством третьеклассника Игоря Истомина крепость трехэтажную, с минометами в окошках, а окошки, Игорь сказал, называются ам-бра-зуры.

Шура с интересом слушала сообщение о строительстве. Надо бы поругать неслуха: опять, выходит, ни дома, ни у бабушки не обедал,— но очень уж не хотелось заводить грех.

— Ладно. Иди, мой лапы да садись за стол...— сказала она миролюбиво, раскатывая на столе скалкой большую круглую лепешку из теста.

Юрка убежал в сени и закричал оттуда, гремя умывальником:

— Мам, воды налей!

— У меня руки в тесте...— откликнулась Шура.— Попроси Свету, она нальет...

— Да-а-а...— гнусаво завел Юрка.— Ка-к жа! Нужна она мне... буду я ее просить...

— Ну, не хочешь, как хочешь. Сиди жди, пока я лапшу не сделаю.

— Да-а-а! — взвыл уже на весь голос Юрка.— Мне скоро надо!

Из «зала» вышла Светка, направилась бочком в сени.

— Света, поди-ка ко мне...—негромко окликнула ее Шура.— Зачем ты ему потакаешь? Ему, свиненку такому, четыре вежливых слова сестре сказать неохота, а ты потакаешь... Конечно, ты у нас большая, старшая, ты должна младшим помогать, учить их, но капризам ихним никогда не потакай! Орет? Ну и пущай орет! Сорвет дурь, глядишь, хоть на копеечку поумнее станет.

Юрка, примолкший, чтобы послушать, о чем в кухне идет разговор, при последних словах завопил от возмущения совсем уже по-дикому. Потом в сенях с грохотом покатилось поганое ведро, и тут же о порог хряснулся кусок мыла.

Шура не спеша отерла руки полотенцем и пошла в сени. Волоком тащила она Юрку через кухню. Когда он особенно крепко упирался, она наклонялась и маленькой жесткой ладонью добавляла еще к тому, что уже было всыпано для начала в сенях.

Она уволокла его в спальню: там, между комодом и Ленкиной качалкой, Юрка обычно всегда отбывал наказание за свои грехи.

— Посидишь до ужина. Потом в сенях приберешь, потом прощения попросишь.

Вот какой был на этот раз приговор.

Шура плотно прикрыла за собой дверь в спальню. Подле шифоньера, съежившись, втянув голову в плечи, стояла Светка.

Смуглое, большеротое, скуластое ее лицо было искривлено жалкой, плаксивой гримасой.

Подумать только! Неужели она жалеет Юрку?!

Конечно, Шура прекрасно понимала, что не Юрка придумал все эти поганые слова: приблуда, немтырь...

Но как можно было его удержать дома, не отпускать к бабушке? Мать и так даже похудела от всех этих переживаний, Леночку почти не видит. Если еще и Юрку у нее отобрать, что же это будет?

Ругаться с ней, чтоб не настраивала она Юрку, просить, чтоб не говорила при нем чего не следует,— все это ни к чему. Тем более теперь, когда начинают сбываться ее пророчества: «Не твой характер... не твой умок требуется, чтобы с этим дитем сладить...» Ладно, пусть она дура. Пусть Светлана не желает ее признавать. Ну а уж Юрку-то своего она хорошо знает. Никакой он не злыдень. Забили ребенку голову. Один одно внушает, другой — другое. Вот разъяснить ему все... как было, не такой уж он маленький — поймет, тогда и бабкиного шипения слушать не станет.

Вечером, уложив Леночку спать, Шура притянула Юрку к себе, зажала между колен, чтобы не вертелся.

Юрка только что помыл перед сном ноги, стоял у нее в коленях в одних трусишках, смугленький, крепкий, как маленький гриб-боровичок, с любопытством выжидательно смотрел в лицо матери.

Шура вынула из косы гребень и стала полегоньку разбирать, расчесывать густые Юркины волосы, выцветшие за лето на солнце и пахнущие солнцем, и ветром, и еще какой-то полевой травкой.

— Ты вот все зловредничаешь, обижаешь Светку, а того не понимаешь, что другая девчонка на ее месте давно бы уж папе на тебя пожаловалась. А он бы тебя выдрал — и правильно. Она девочка, а ты парень, ты должен за нее всегда заступаться, потому что она тебе сестра. Можешь ты это понять или нет? Родная, кровная сестра... А папа наш, как тебе и Аленке, так и ей такой же папа...

— А ты? — прищурившись, с любопытством перебил Юрка.

— Ну, а я... мама...

— А бабаня говорит, что ты мачеха.

— А ты никогда не слушай,— сердито оборвала его Шура.— И слова этого никогда не говори, оно нехорошее...

— Матерное?

— Ну хотя и не матерное, а все равно нехорошее. Вот слушай, я тебе сейчас все разъясню... Был наш папа совсем еще молодой...— Шура заговорила медленно, негромко, словно новую интересную сказку придумывала.— Такой был папа молодой, ну вот как Саша Сотников, только Саша еще учится, а папа уже был трактористом. А тебя и Аленки еще на свете не было...

— А мы где были? — удивился Юрка.

— Не вертись ты и слушай, не было вас, потому что вы еще тогда не родились. А меня папа тоже не знал...

— Ты тоже еще не родилась?

— О господи! — Шура на минуту задумалась, потом тряхнула головой и решительно повела дальше рассказ о том, «как это все было». Все — от начала до конца.

— А когда мы с папой приехали, Светину маму уже похоронили, а Света все плакала...— Голос у Шуры сорвался. От умиления и жалости она и сама чуть не расплакалась.— Папа говорит ей: «Не плачь, Света, я твой родной папа, а еще у тебя теперь будет сестра Леночка и брат Юрик. Он тебя никому в обиду не даст».

Юрка слушал, хмуро насупившись, но вот и у него губы начали набухать... Он поднял на мать налитые слезами глаза.

— Мам...— прогудел он, всхлипнув, не надо ее нам... скажи папе... пусть обратно увезет...

С малых лет и до самого последнего времени среди своих семейных Шура славилась умением поспать. Мать называла ее соней-засоней, а Павел смеялся, что Шурка, как котенок на теплой лежанке: свернется клубочком, малость помурлычет и готова — засопела.

А теперь вот она впервые на себе узнала, что это такое — бессонница. И недаром люди говорят, что бессонница хуже болезни.

Лежать, таращить глаза в темноте и думать все об одном... Особенно плохо спа-

Продолжение. См. «Огонек» № 4.

лось, когда не посапывал рядом Павел, а он теперь нередко и на ночь оставался в поле. Уборка шла круглосуточно.

Лето задалось тяжелое: сначала жгла засуха, а подошла уборка — начались дожди.

Ребят Павел почти и не видел: утром уезжал на заре, приезжал поздним вечером, когда они уже спали. К этому часу сил у него оставалось ровно столько, чтобы успеть помыться и уже через силу прожевать то, что торопливо ставит перед ним на стол Шура.

Поначалу, как привезли Светку, Павел с тревогой присматривался и к дочери и к жене. Но вскоре успокоился. Полностью доверился Шуре, окончательно убедившись, что не способна его Шурка обидеть ребенка, тем более сироту.

Шурка не дулась, не попрекала его Светкой, не жаловалась на нее. Чего еще можно было желать? Тем более, что не оставалось у него ни минуты свободной на семейные дела. Все же он интересовался, каждый раз заглядывал мимоходом за шифоньер, спрашивал тихо:

— Ну, как она?

— Ничего,— неизменно отвечала Шура,— привыкает помаленьку... Ложись давай.

А что другое она могла ему ответить, если он от усталости валился с ног и на ходу засыпал?

Да, она не жаловалась. В том-то и была беда, что ей некому и не на кого было пожаловаться. Правильно мать-то говорила. Кого теперь винить, если сама она на себя эту петлю надела.

Была бы Светка как другие дети... А может, правильно Полинка говорит, что все-



чеха

таки есть в ней какая-то ненормальность? Может, сказать Паше, свозить ее в город к врачам по этим самым болезням... Может, забрали бы ее куда-нибудь... лечить... Есть же, наверное, где-нибудь больницы или дома специальные для таких...

Ой, нет! Господи, что это, какая дикость в голову лезет?! К учению ребенок способный, сноровка во всяком деле, как у большой... И не сгрубит никогда... не своевольничает... Просто требуется к ней особый подход, а какой он, этот самый подход?

Может, с ней строгость нужна? Может, надо встать перед ней да и спросить напрямую: «Чего тебе не хватает? Чего ты хочешь?»

Шура садится в постели и, охватив колени руками, мерно покачиваясь, начинает еще раз перебирать в памяти, как ездили они с Пашей за Светкой, как увидела она ее в первый раз.

Мельниковы, те, с которыми Наташа уехала на Север, встречали их на пристани.

Николай Михеевич, обняв Павла, сказал растроганно:

— Знал. И ни минуты не сомневался в тебе, Павел Егорович! — Потом он пристально посмотрел на Шуру.— Значит, и жинка с тобой пожелала... Ну, вот и добро! — И как-то очень серьезно и уважительно пожал ей руку.

Потом его жена Марина Андреевна подвела к ним Светку. Светка прижимала к животу старую, потрепанную сумочку. Не поднимая опущенных глаз, она молча подала руку, сначала Шуре, потом Павлу.

Павлу-то догадаться бы, обнять ее, на руки бы взять, а он растерялся, топчется на месте, положил руку ей на плечо и молчит.

Марина Андреевна заплакала, а Николай Михеевич отвернулся, покашлял и говорит:

— Ну ладно, пошли!

Квартира у Натальи была при почтовом отделении — небольшая комнатка, не то, чтобы грязная, а какая-то запущенная, серая. И все в ней было серое, даже шторка на окне не белая, а из какого-то серенького ситчика. И наволочки на плоских подушках и старенькое байковое одеяло на железной кровати.

У Шуры даже под ложечкой засосало, когда представила она себе, как привезет все это... серое в свою новую, светлую квартиру.

Она незаметно вызвала Павла на крылечко и, заглядывая снизу в его сумрачное лицо, умоляюще зашептала:

— Давай, Паша, не будем ничего отсюда брать. Я для нее все свеженькое пошью, новенькое, ладно?! И подушечка у меня для нее есть, чисто пуховая, а одеяло ватное, сатинетовое ей сама выстежу...

Павел смотрел ей в лицо пристально, хмуро.

— Ну что ж,— вздохнул он невесело,— правильно, пожалуй... А ей объясни, что обратно самолетом полетим, а в самолет, мол, с вещами не берут...

Так вот и получилось, что на новое жительство увезла Светлана только несколько платьишек, связку книг и «редикуль».

Больше всего удивило Шуру, что у Светки не оказалось никаких игрушек, ни единой, хотя бы дешевенькой, хотя бы самодельной куклешки.

И еще молчаливость. Конечно, каждому понятно, девочка все же большая, только что схоронила мать... Но все же ни разу не поднять глаз, не сказать ни словечка, кроме «да» и «нет»...

Марина Андреевна на все Шурины расспросы отвечала уклончиво, неохотно.

Едва-едва удалось Шуре ее разговорить. Со вздохами, паузами, а где и со слезами рассказывала Марина Андреевна историю невеселого Светкиного детства.

— Болела Наталья много, сердце у нее было плохое, ну и головой очень она мучилась. Болезнь какая-то у нее нервная была, врачи признавали — неизлечимая. А если по-нашему, по-простому сказать, была в ней порча: накатывала на нее тоска вроде припадков.

А Светку она любила, это даже слов таких нету, чтобы вам рассказать, как она ее любила. А растила строго и очень уж была неласкова. Жили они бедно, на одну зарплату; ни огорода она не имела, ни куренка, ни поросенка... От людей отгораживалась, только нас с Николаем и признавала за знакомых. Свету от себя ни на шаг не отпускала и не любила, чтобы к ней дети ходили, даже моих и то не очень привечала. Читать Светку она на пятом году обучила, книги ей покупала безотказно, а игрушек не признавала никаких. А к работе приучала прямо без всякой жалости.

Я как-то не стерпела и стала ей выговаривать: «Что же ты,— говорю,— с ребенком такая суровая? Ни ласки она от тебя не видит, ни шутки не слышит. И радости никакой не знает. Работа да книжки. Подружки, и той у нее нету...» А она говорит: «Я долго не протяну, ей в сиротстве жить. Пусть ко всему привыкает, а подружек ей никаких не надо, пока я с ней. Нам с ней никого не надо».

Николай Михеевич, тот совсем начисто, ничего не скрывая, высказался:

— Трудно вам с ней, ребята, придется. Девочка она умненькая и не злая, только очень уж запугала ее Наталья против людей. Как накатит на нее эта... болезнь-то, так и начинает она Светланке внушать: «Вот помру я, узнаешь тогда, как без матери жить. Все тогда вспомнишь, как останешься одна посреди чужих людей...»

Иной раз, поверите, даже слушать жутко. «Лучше бы,— говорит,— я тебя с собой рядом в могилу уложила... никому ты, кроме меня, не нужна... всем ты чужая, лишняя... обуза тяжелая. Ребенка только родная мать может любить. Чужого ребенка люди из милости, из жалости терпят. И все это — притворство».

Для нее, понимаешь, все люди чужие были. Больной человек, что с нее возьмешь? А Светлану, я так понимаю, придется вам исподволь, тихонько к людям приучать. И к себе тоже, чтобы забыла она материны внушения, перестала им верить. Ну, конечно, терпения вам много потребуется... Особенно вам, Александра Николаевна, как матери. Потому что обходиться с ней надо только лаской...

Лаской... Если бы она ласку-то принимала... Что она ни отцом, ни матерью их не называет, это ничего. Бывает ведь так: осиротеет ребенок, а его старшая, взрослая сестра на воспитание примет.

Вот и Светка, пусть бы росла наместо младшей сестренки. Разве плохо, когда в семье большая девочка есть? Аленку когда еще дождешься, а с этой и сейчас уже можно было бы и поговорить, и посоветоваться, и посмеяться.

Вполне возможно, что и полюбила бы ее Шура в конце концов. Все-таки Пашина кровь... А может быть, она такая, потому что чувствует Пашино к ней отношение? Паша-то ведь к ней совершенно бесчувственный. Не может он никак осознать, что она ему кровная дочь. Умом принимает, а сердцем привязаться не может. А ребята, они ведь чуткие на этот счет. Неужели она понимает, что взял он ее только из-за совести... поневоле? Выходит, правильно ей мать-то внушала, чтобы не верила она никому?!

Неправда! Была бы она, как все дети... И Паша бы ее полюбил. И не стала бы она для нас тяжелой обузой. Из-за проклятого ее характера вся наша семья может прахом пойти. Сколько же такое можно выносить... скрывать от людей, прикидываться... Закусив губу, чтобы не дать воли слезам, Шура плотно закрывает глаза. Перед ней, словно на экране немого кино, медленно возникает смуглая, тупая, безглазая маска. Лучше бы капризничала... не слушалась... орала бы... Ну, положим, если она заорет, все соседи сбегутся... Полинка говорит, что и так в народе уже болтают: отчего это ребенок такой забитый? Отец по неделе дома не бывает, а мачехе какая вера? Мачеха... Из школы два раза уже приходили, и председатель женского совета Ирина Антоновна, как встретит, все только про нее выспрашивает. Ну, конечно, не у матери родной ребенок живет — у мачехи...

Вот скажут люди: «Несчастный ребенок, и отец тоже,— скажут,— несчастный... Принял сиротку, понадеялся на жену, а она для ребенка обернулась не матерью, а мачехой...» Разве можно такому поверить, люди скажут, чтобы к ребенку подхода не найти... Обычно, слушая бабьи пересуды, Шура только посмеивалась. На сплетни ей наплевать. А вот суда людского она боится. И не из-за себя, а из-за Павла.

А вдруг Пашу вызовут? С такими вот семейными делами в партком вызывают к Алексею Ивановичу. Господи! Вот позорище-то, вот обида для Паши будет! Он из-за этой своей дурацкой работы вроде слепой, не видит, что у него под носом в семье делается, не догадывается, что из-за милой доченьки про нас люди говорят. Неужели же он не видит, каково мне с ней приходится, как трудно сдерживать-то себя?

Иной раз в глазах даже потемнеет, затрясет всю, а ты все шутишь, улыбаешься, все подход этот самый к ней ищешь. Ну что ей нужно?! Так вот схватила бы ее за плечи, трясла бы, трясла: «Ну скажи же, уродушка ты несчастная, чего тебе не хватает? Что ты от нас хочешь?!»

Обливаясь слезами, Шура стиснула в зубах угол простыни и уткнулась лицом в колени. Не хватало еще только ребят своим ревом перебудить.

В школу Шура снарядила Светку по всем правилам. Форма шерстяная, коричневая, с кружевным воротничком, фартучки с крылышками. Пальто осеннее новенькое и шапочка к нему под цвет. Портфельчик коричневый, со всеми положенными принадлежностями. Все последние дни Шура очень переживала: как Светлана поведет себя в школе? Тем более, что накануне пришлось объяснить ей, что фамилия у нее теперь папина и ей нужно откликаться, когда учительница Людмила Яковлевна скажет: «Олеванцева Света, отвечай урок!»

Светка не возразила, не заплакала. Но до чего же худенькая, до чего сиротливо поникшая сидела она вечером в своем углу! И Шуре было очень не по себе. Словно это она осиротила, обездолила человека, а теперь вот еще и последнее, фамилию мамину, отобрала... Под первое сентября Шура уснула только перед самым рассветом. Против ожидания Светлана в школе держалась совсем неплохо. Голова у нее почти не загибалась, и смотрела она не на свои ботинки, а на комсомольский значок, красиво алеющий на белой блузке Людмилы Яковлевны.

А когда Людмила Яковлевна сказала: «Олеванцева Света, подойди ко мне!» — она отошла от Шуры и спокойно стала в паре с Томкой Ушаковой.

У Шуры немножко отлегло от сердца. Такая серьезная, смугленькая, с белыми капроновыми лентами в косах, стояла Светка на линейке.

А когда их строем повели в класс, она оглянулась и впервые, хотя и через плечо, взглянула Шуре в лицо.

С первых же дней Светлана начала таскать из школы одни пятерки. Уже полностью овладев умением разговаривать со Светкой, Шура без труда узнавала о ее успехах.

— Пять? — спрашивала она весело, встречая Светку из школы.

— Да,— тихо отвечала Светка, чуточку скособочась.

— По чтению?

— Не...

— По арифметике?

— Да...

— Устно?

— Не-е...

— Письменно?

Светка кивала и, раскрыв тетрадку, показывала толстую красную пятерку.

Несмотря на частые дожди, с уборкой справились неплохо. И хлебосдачу кончили первыми в районе. Урожай на круг получился не таким плохим, как ожидали. Теперь даже самые отпетые маловеры на опыте убедились, что при хорошей агротехнике и засуха не такой уж страшный враг.

Под конец страды установились ясные, погожие дни, и держались они, пока народ полностью не управился в поле со всеми осенними работами. Даже капусту и ту успели снять по сухой погоде.

Настроение у механизаторов было приятное. Словно после трудного многомесячного сражения, возвращались они на отдых, на зимние квартиры.

Павел тоже вроде с фронта домой пришел. Приятно расслабленный после бани и сытного ужина, завалился на тахту и, дремотно щурясь на мерцающий в полумраке экран телевизора, блаженно пригрозил:

— Так вот и буду лежать, пока не отосплюсь. Встану, поем и опять на боковую...

Но благодушного настроения хватило ненадолго.

Еще с тех летних дней, когда он привез Светку в свой дом, Павел почувствовал, что товарищи присматриваются к нему с любопытством и уважением. Словно примеривают его поступок к себе: а смог бы и я так-то вот открыто признать свой грех — назвать себя отцом и принять в свою семью совершенно чужого мне до сих пор ребенка?

Нередко даже малознакомые люди доброжелательно спрашивали его о новой дочке, и на все вопросы Павел неизменно отвечал Шуриными словами: «Ничего. Привыкает помаленьку».

Отвечал уверенно, с достоинством, он не сомневался, что Светка действительно помаленьку привыкает.

И вот теперь оказалось достаточным всего несколько дней побыть дома, чтобы понять: Светлана в его семье как была, так и осталась чужой. Шли дни, а она ни разу не подняла на него глаз, ни разу никак не назвала его. Так и жил он рядом с дочерью — ни папа, ни дядя, ни Павел Егорович...

И сам Павел чувствовал себя подле нее скованно и неловко. Он не знал, о чем и как с ней говорить. Не мог же он разговаривать с ней по-шуркиному: лопотать, смеяться, не реагируя на ее глухое молчание, спрашивать и тут же на свои вопросы самому отвечать. На первых порах он еще пытался заставить ее разговориться.

— Ну, как у тебя в школе дела? — спрашивал, стараясь насколько возможно смягчить свой глуховатый, неласковый голос.

Светлана низко опускала голову и шептала себе под мышку:

— Ничего...

— А как это понимать — ничего? — Павел через силу улыбался, чтобы подавить закипающее раздражение.— Хорошо или так себе? Серединка наполовинку?

— Хорошо...— еще тише выдавливала Светлана.

На этом беседу, собственно говоря, можно было бы считать исчерпанной, но Павел не сдавался:

— Слушай, Света, почему ты себя так ведешь? Ты же большая, должна бы, кажется, понимать, что если тебя спрашивают...

Он говорил, и ему самому было тошно и тоскливо слушать свой нудный, отечески-назидательный голос.

А Светка молчала и все круче загибалась куда-то влево. В конце концов перед глазами Павла оказывалось ее правое высоко вздернутое плечо, ухо и часть щеки.

Иногда он с трудом сдерживал желание взять ее за это упрямое плечо, повернуть к себе лицом и сказать жестко:

— А ну, довольно кривляться, стань прямо, подними голову!

Но всегда в эту минуту рядом оказывалась Шурка с каким-нибудь неотложным делом, или кто-то там срочно вызывал его на улицу... Или еще что-нибудь.

Особенно раздражала его Светка за столом.

Сидела, упершись подбородком в грудь, приткнув к губам ломоть хлеба, не то сосала тихонько край куска, не то по крошечкам незаметно откусывала от него.

Зачерпнув ложку щей, медленно тянула ее к губам и, беззвучно схлебнув, так же беззвучно опускала ложечку на стол.

— Светлана, почему ты суп не доедаешь? — спрашивает Павел, с трудом сдерживая раздражение.— Если не хочешь, так и скажи...

Светка еще ниже опускает голову, но тут вклинивается Шура:

— Ну, не хочешь и не надо...— Она ловко вытаскивает из-под носа Светки недоеденный суп и, раскладывая по тарелкам второе, с ходу начинает рассказывать очень смешную историю, как вчера у Варенцовых поросенок в старую погребушку завалился.

Первым из-за стола, отдуваясь, начинает выбираться Юрка.

— А спасибо где, сынок? — перебив Шуркин рассказ, останавливает его Павел.

— Да-а-а...— обиженно гудит Юрка.— А почему Светка никогда спасибо не говорит?

— А ты за Свету не беспокойся, ты за себя беспокойся,— ласково советует Шура.— Света привыкнет и будет говорить все, что нужно. Ладно, сынок, на здоровье, беги играй!

И она со смехом продолжает рассказывать, как толстая Варенцова сноха полезла за поросенком в погребушку, а потом и самое оттуда на веревках мужики вытаскивали.

Не вникая в смешной рассказ, Павел время от времени окидывал Шурку хмурым, недоверчивым взглядом.

Откуда у нее это спокойствие, это терпение? Неужели ее и вправду нисколько не трогает Светкино кособочие, глухая ее, упрямая немота? Все ей нипочем. Крутится, похохатывает. Правильно, видно, мать-то определила: легонький умок.

Наступил день, когда, закончив работу, Павел задержался в мастерской просто так, без всякой надобности. Домой идти не хотелось... Перестало его тянуть домой. Уже несколько дней ни Шура, ни Светка не садились за стол, когда он приходил днем обедать.

— А мы уже покушали...— спокойно сообщала Шура, подавая ему тарелку аппетитных щей.— Света раньше приходит из школы, да и Юрка пробегается, есть просит...

Павел понял, что она Светку кормит отдельно от него, потому что при нем дочь не может есть, выходит из-за стола голодная.

И не стала больше Шура гнать его в воскресенье на дневной сеанс с ребятишками в кино. Не ворчала, что никак он не соберется сделать ребятам катушку-ледянку в огороде.



Ссора получилась очень нехорошая. Слов было сказано немного, но все они были обидные и несправедливые.

— Не пойму я тебя,— раздеваясь поздним вечером в спальне, угрюмо сказал Павел,— чему ты радуешься? Чего ты перед ней зубы скалишь? «Привыкает... привыкает...» Где же она привыкает? Чего ты хвалилась? Она тебя признавать не желает, а ты, знай, похохатываешь. Вот уж истинно: ни бревном, ни пестом не прошибешь...

Шура резко обернулась, губы у нее дрогнули, но плакать она не собиралась.

— Я, конечно, извиняюсь, Павел Егорович...— ядовито усмехаясь, сказала она, бросив за спину тяжелую косу.— Не пойму я глупым своим умишком: на кого это вы рычать вздумали? — Она прищурилась язвительно, но вдруг, вся залившись гневным румянцем, шагнула к нему почти вплотную: — Может быть, это я ее в девках нагуляла, а теперь вот привела да тебе на шею посадила?! Получай подарочек, дорогой муженек, расплачивайся за мои старые грехи. Воспитывай моего найденыша, а я посмотрю, что у тебя получится, какой ты есть воспитатель, годишься ли в отцы моей доченьке?

А сам ты кто? Дядя чужой или отец? Ты хоть раз спросил: каково мне с ней? Посоветовал мне, помог чем-нибудь? Ты, месяца не прошло, на стенку от нее полез, а я скоро полгода мучаюсь.

Меня, видишь ли, она не признает, а тебя признает она за отца? И много ли сделал ты, чтоб она в тебе отца признала? Чем ты к ней заботу свою проявил? В кино с детьми сходить и то не допросишься. Сколько раз просила: сделай ребятам катушку.

И неправда, что она нисколько не привыкает. Это при тебе она не только есть, а даже шевелиться не может... Ничего ты не понимаешь! Так уж хоть не лезь, не мешай мне, не ломай того, что сделано... Разве я виновата, что она такая?!

— И я не виноват... Внушила ей мать черт те что... Неужели ты не понимаешь... Она же ненавидит нас...— угрюмо буркнул Павел, отвернувшись к стене.

Мысль эта, неотступная, неотвязная, не давала Павлу покоя. Что могла Наталья внушить ребенку? Как такую маленькую научила ненавидеть отца? За что? Снова начинал Павел ворошить, перетряхивать прошлое. Нужно было в конце концов доказать, что нет его вины перед ней, что она самовольно повернула не только свою, но Светкину и его судьбу куда ей вздумалось.

...В Покровку Павла направили трактористом сразу после окончания межрайонной школы механизации. Это теперь в Покровском и клуб новый с кинобудкой — картины через день показывают,— и школа, и магазин, как игрушечка. А тогда только и было, что старая колхозная контора да почтовое отделение в пятистенном домишке.

Завернув как-то на почту за конвертом, Павел очень обрадовался, увидев в углу, подле окна, небольшую витринку с книгами.

Когда случалось попутье, он брал книги в сельской библиотеке на центральной усадьбе, но такое попутье выпадало не часто, и временами, бывало, хоть волком вой от тоски. И взвоешь, если читать нечего.

А тут, надо же, такое удобство: зайди на почту и купи себе книжку или журнал, какой на тебя глядит, а с получки и на две и на три книги можно раскошелиться.

На квартире Павел стоял у бригадира Исаева. Семья была небольшая, трезвая, но очень уж все любили поговорить. А на почте было всегда тихо, никто не шумел, не вязался с пустяковыми вопросами или разговорами, слушать которые было совершенно неинтересно.

В выходной день Павел являлся на почту, как на дежурство, иногда сразу после завтрака. Долго выбирал на витрине самую хорошую книгу, а выбрав, платил за нее почтальонке деньги и закладывал новокупку за ремень.

Потом снимал с витрины свежий журнал и усаживался бочком на подоконнике, чтобы не занимать единственного табурета, стоящего у стола для клиентов. И сидел, пока не начинало от голода бурчать в животе. Однажды он пришел после обеда. Взял с витрины журнал и позабыл обо всем на свете. Давно закончился у Наташи рабочий день, давно уже закрыла она входную дверь на крючок, а он все сидел, согнувшись на подоконнике. А когда она негромко окликнула его из-за своего барьера, он, словно спросонок, поднял голову. И встретил ее взгляд, внимательный и дружелюбный. Оказывалось, что она, эта худая и всегда такая неласковая почтальонка, умеет улыбаться.

— Очень уж ты много денег на книги тратишь.— Голос у нее был глуховатый, но доброжелательный и приятный.— Ты же молодой, тебе одеваться нужно хорошо. Ты можешь брать книги у меня.— Она открыла в барьере дверцу.— Иди выбери, какие нравятся. Прочитаешь — приходи сменяй. Тебе надолго хватит. У меня их больше ста штук.

Квартира у нее была казенная, тут же, при почте. Небольшая комнатка с сенцами и отдельным ходом во двор. Комната казалась полупустой: узенькая железная кровать, небольшой стол в простенке, два стула, кое-какая посуда на кухонной полке. И книги. Везде книги: на столе, на подоконнике, на стульях.

— Вот это все мои,— можешь брать их домой, а это казенные, для продажи, их можешь здесь читать.

В этом тихом углу Павел прижился на удивление быстро. Уютно потрескивают в печурке дрова, на плите, пофыркивая носиком, закипает чайник. С журналом в руках прикорнула на кровати Наташа, а Павел с книгой вольготно расположился на полушубке перед печкой.

В мирной тишине, в приятном молчании проводили они длиннейшие зимние вечера. Намолчавшись и начитавшись до отвала, усаживались пить чай.

Говорили больше о книгах, о прочитанном. Иногда Наташа читала на память стихи, знала она их великое множество. Раньше Павел не то чтобы не любил стихов, а просто как-то не замечал их.

Мне грустно и легко,
Печаль моя светла...

Наташа произносит эти слова тихо и както очень просто, а у Павла холодеет в груди, и ему никак не верится, что это тот самый Пушкин, которого они «проходили» в школе и из которого ему не запомнилось ни одной строчки.

Наташу он называл на «вы», и ни разу ему не пришло в голову, что она хотя и некрасивая и немолоденькая, но все же девушка. И одинокая. А он, холостой парень, ходит к ней и частенько возвращается от нее в ночь-полночь.

О том, что Наташино имя треплет беспощадная деревенская сплетня, Павел узнал

от того же Мельникова Николая Михеевича, работавшего в те времена в Покровской кузне.

Наташу Мельниковы знали еще по детскому дому, жалели ее и уважали за строгий характер и правильное поведение. После серьезного мужского разговора с Николаем Михеевичем Павел решил, что надо раз и навсегда забыть на почту дорогу. Но оказалось, что это совсем не так просто сделать. Четыре дня он все же воздерживался, торчал по вечерам в старом, полутемном клубе или сидел дома, играл со стариками в подкидного, пробовал побольше спать.

А в воскресенье, едва дождавшись сумерек, крадучись, задами, огородами, пробрался в почтовый двор и постучал в Наташино окно.

— Глупый ты человек, Павлик,— вздохнула Наташа, закрывая за ним дверь.— Ну какое мне до них дело? Замуж я за тебя не собираюсь, потому что старше я тебя на целых восемь лет и здоровье у меня слабое... какая я жена? А кто ко мне ходит и с кем я дружу, до этого никому никакого дела нет. Конечно, если ты боишься свою репутацию подорвать, тогда не ходи, а о моей репутации можешь не беспокоиться. И не вздумай заступаться за меня: я сама за себя сумею постоять. Об одном прошу: хочешь ко мне ходить — ходи открыто, не прячься, не крадись, как вор.

Вот как она тогда рассуждала.

А ему в ту пору только пошел двадцать первый год.

И позднее, когда они сошлись, Наташа ни от кого не таилась, не стеснялась, что теперь вот действительно не зря к ней ходил Пашка-тракторист.

В деревне ее, конечно, сильно не одобряли потому, что очень уж они были неровня, но в глаза осуждать Наташу никто не осмеливался, да и Павел был не той породы, чтобы можно было над ним безнаказанно зубоскалить или вязаться к нему с советами да уговорами.

А потом Павла перевели в мастерские на Центральную усадьбу.

Первое время он очень скучал, в выходной старался попасть в Покровское, не один раз даже пешком ходил...

Но подошла посевная, и до конца уборочной он смог заглядывать в Покровское от случая к случаю. И, видимо, за это время они начали друг от друга отвыкать, а может быть, Павел стал стесняться, потому что хотя о женитьбе и думать еще не думал, но Шурка к тому времени уже основательно его захороводила.

И Наташа встречала его все холоднее и отчужденнее.

В последний раз он только постоял с ней на почтовом крылечке. Она даже и зайти его не пригласила. Сказалась больной, и вид у нее, правда, был очень нехороший.

Теперь-то Павел знал, что она в это время была на пятом месяце и уже собиралась с Мельниковыми к отъезду.

Но тогда о беременности ее никто не знал, даже Марине Андреевне она призналась, когда они уже были на Севере.

Конечно, в Шурку он тогда здорово врезался, но скажи Наташа честно о беременности — и он женился бы без единого слова. И Шурку бы оставил, потому что с Шуркой он до женитьбы ничего себе не позволил...

Да разве не предлагал он Наташе расписаться, когда о ребенке еще и помину не было? А она усмехалась:

— Нет, уж лучше не надо. Чтобы ты возненавидел меня за то, что жизнь твою сгубила, молодость твою заела? Через десять лет мне под сорок будет, а ты еще только-только в силу входить начнешь...

Вот как она тогда рассуждала. Здорово, вообще-то говоря, рассуждала.

Так за что же через Светку казнит она его теперь? За то, что не могла унести дочь с собой в могилу? За то, что досталась ее дочь... сопернице?

Так разве в Шурке или в нем дело? Светке жить надо. А как она будет жить среди людей с этаким... кособоким характером?

Окончание следует.

Игорь **ПОСТУПАЛЬСКИЙ**

Крымские строчки

КОШКА

I

Приближаюсь к Симеизу с моря я...
Кошкой называется гора.
Не гора, а древняя история,
наше тавроскифское вчера!
Каменные ящики расставлены,
давний человек их высекал...
Пусть наполовину в землю вдавленный
гроб подчас не виден между скал,
пусть в сомненьях тягостных ученые
споры о насельниках ведут...
Как и прежде, плещет море Черное,
как и прежде, обитают тут!

II

Есть высокий смысл, есть оправдание
кратких человеческих судеб
в том, что высятся на Кошке здания,
вовсе не похожие на склеп,
что обсерватория построена
там, где множество веков назад
древние охотники и воины
устремляли к небу острый взгляд.
И, когда я направляю тулово
телескопа к звездной вышине,
все упорство предка узкоскулого
странно пробуждается во мне...

В АЛУШТЕ

Вот и море: вдали — голубое,
с белоснежной пеной... а тут
грязно-желтые волны прибоя
с мокрой галькою распрю ведут.
Шум автобуса у ресторана,
сквер над пляжем... а вверх поглядишь —
башня времени Юстиниана
выпирает из хаоса крыш.
Алустон!.. Или вспомнится имя,
что иначе звучало в былом?
...Только ветер свистит нелюдимей,
только носится пыль над бугром!

Леон **ЛЕРМАН**

Дар солнца

* * *

Мои яблоки сочные
Заливают мне горло
Осенним вином.
От блестящего яблока
Откусишь кусочек —
Привкус солнца почувствуешь в нем.
Глянь, как любят его
Зеленые листья,
Как они к нему ластятся,
Жмутся, ласкаются,
Эти листочки.
И веселые зори
Тонкою кистью
Красят в цвет свой его глянцевитые щечки.
Пьет взахлеб мое яблоко
Солнца светлые соки,
Для меня, для тебя и для всех
Накопляет их впрок.
Разве в жилах моих
Не бушуют
Те же потоки,
Не течет этот солнечный сок?
Я сумел подстеречь
Миг рождения яблока.
Словно выстрел — его золотое начало.
Оно вышло внезапно
Из маленькой завязи.
И зеленая ветка
На ладони его закачала.
И как все на земле,
Оно будет расти, тяжелеть.
И потом его наземь уронит
Зеленая ветвь.
Мои яблоки сочные
Заливают мне горло
Осенним вином.
От блестящего яблока
Откусишь кусочек —
Сладость солнца почувствуешь в нем.

Перевел с еврейского Д. Самойлов.

Я НЕ ЗНАЮ ДОРОЖЕ ПОДАРКА

Не гадал и не думал об этом,
не предвидел подобных чудес,
что я стану таежным поэтом,
лесоводом, влюбившимся в лес,
что вернейшим певцом его стану,
что в годину моих неудач
исцелит мою жгучую рану
тот косматый лесной бородач...
Невозможное стало возможным:
по запутанным тропам таежным
меня песня свободно ведет.
Солнцем пахнут смолистые соки,
и сияет над лесом высокий
голубой, золотой небосвод.
Я в лесном этом царстве, как дома.
Все мне дорого здесь и знакомо
в необъятном зеленом краю:
и деревья и сопки рябые...
И неведомый голос судьбы я
в шуме леса ночном узнаю.
Понимаю тебя, понимаю!
Вот ветвями ты тянешься к маю
в ледяном одеянье пурги.
Сквозь метель, сквозь январскую стужу
я дыханье твое обнаружу
и приду на твой зов: «Помоги!»
О, здесь нужно не только искусство!
Здесь нужны еще добрые чувства,
чтобы вдруг горожанин-поэт
стал таежному лесу желанен...
(Мне казалось порой, что я ранен,
когда ветви глодал короед;
сердце билось в тревоге и в гневе,
когда буря ломала деревья.
Вместе с лесом я осенью дрог...)
Но, оставшись непобедимым,
я сушил мои волосы дымом,
от тоски мою песню сберег...
Ты меня приобщил к своей силе!
Сколько бед мы с тобой выносили,
лес — товарищ мой, брат мой родной!
Всем твоей я обязан подмоге.
И на жизненной трудной дороге
до конца твоя сила — со мной!
Ах, вовек не дождался б весны я,
если б в сердце мое не вошли
те целебные соки лесные —
соки нашей родимой земли.
Я не знаю дороже подарка!
И пока не угаснет мой взор,
мне светить будет ярко и жарко
негасимый таежный костер.
На любой крутизне иль в долине —
ничего не страшусь я отныне,
приношу благодарность судьбе.
И сейчас, эту песню слагая,
лес мой добрый, тайга дорогая,
сердцем вновь припадаю к тебе!

Перевел Лев Гинзбург.



Джошуа Рейнолдс. 1723—1792. ПОРТРЕТ ФРЕНСИСА ДЖОРДАНА ХОРА. Париж. Лувр.



Ричард Паркс Бонингтон. 1801/2—1828. СТАРАЯ ГУВЕРНАНТКА.

Париж. Лувр.

НЕПОКОРЕННАЯ ПАНАМА

В. ЧЕРНЫШЕВ

Перелет Рио-де-Жанейро — Лима — Богота — Панама мы совершили 12 октября — в день открытия Америки, «день Колумба». На страницах газет и журналов снова разгорелись страсти о том, кто же все-таки открыл Америку.

Читая и просматривая газеты, пассажиры коротали время. Каких только точек зрения не высказывали газеты! Писали, например, что задолго до великого генуэзского мореплавателя в Америке побывали викинги. Ссылались на найденную в швейцарском городе Базеле старинную карту, нарисованную в 1440 году. С этой картой гренландские мореходы, сыновья Эрика Рыжего, будто достигли берегов сказочной земли.

На аэродроме в Лиме мы получили новые газеты и журналы. Изданный в Мадриде журнал «Испанский мир» был также посвящен дню Америки. На его страницах никто не сомневался в том, что именно каравеллы Колумба первыми подошли к Багамским островам. Бросалось в глаза другое: некоторые авторы пытались развенчать легенды о тех несметных богатствах, которые Испания выкачала из Латинской Америки в свое время.

При этом досталось даже самому Христофору Колумбу. Его, оказывается, «настолько околдовали истории о драгоценностях и крышах из чистого золота, что он так до конца и не смог увидеть открытую им Америку в ее настоящем свете, увидеть ее неприкрытую реальность».

Автор статьи Гастор Бакеро оказался непоследовательным. Он тут же признал, что открытие целого полушария обошлось Испании при переводе на сегодняшний курс всего лишь в 11 тысяч долларов. «Никогда в истории,— пишет он,— не приобреталось столь большое хозяйство, столь колоссальная латифундия за столь ничтожную сумму».

премии: за репортаж «20 дней в Советском Союзе» и за очерк «Советский калейдоскоп». Член жюри этого конкурса, ректор католического университета «Санта-Мария» священник Бенхамин Айечу сказал: «Советский калейдоскоп» написан ясным и простым языком, правдив и увлекателен. Эти его качества заставляли нас внимательно вчитываться в описание жизни в Советском Союзе, обычаев и пейзажей этой страны, обстановки в ней».

Такого рода отзывы, а их было немало, ярко отражают растущие симпатии, интерес панамцев к Советской стране.

Панама — одна из самых маленьких по населению стран континента. Многие морские державы пытались завладеть узкой по-

В витринах выставлены японские и индийские изделия. Много американских товаров. Но большинство магазинов без покупателей.

— У панамцев не хватает денег, чтобы заходить сюда, а американцы приобретают все в своих лавках. Товары для них ввозят без пошлин.

Мы остановились на площади около монумента с надписью: «Только через демократию можно добиться свободы».

Панамский журналист, как бы угадывая наши мысли, сказал:

— Чтобы быть свободными, нам нужно обрести национальную независимость и единую родину. Вот посмотрите слева. Это — здание Национальной ассамблеи. Напротив нашего парламента развева-

лы. Замертво пал юноша Ассанио Аросемена.

Пролитая кровь вызвала гнев панамцев. Несколько перевернутых автомашин у стены зоны образовали баррикаду. Над ней подняли национальное знамя. Власти зоны канала вывели на улицы войска. Танки и бронемашины заняли всю авениду Кеннеди. Пушки и пулеметы были наведены на здание Национальной ассамблеи. Они вели ураганный огонь по улицам и зданиям, где находились тысячи горожан. Из пулеметов стреляли по двум юношам, засевшим на крыше парламента. В эти дни был убит 21 житель Панамы и ранено около 500.

Следы зверской расправы и поныне сохранились на тротуарах, на стенах зданий, сожженных и

Встречи на панамской земле

— Вы русские? — спросил один из служащих аэропорта Тукумен.— Вас встречают на другой платформе.

И буквально через минуту Генеральный директор ТАСС Дмитрий Горюнов, радиокомментатор Хуан Кобо и автор этих строк оказались в объятиях панамских коллег. Среди них я увидел элегантную, веселую Маин Корea, Моисеса Торрихоса и Ореста Кобредо. Они недавно были гостями советских журналистов.

— Добро пожаловать! Милости просим в Панаму!..

Хочется сказать спасибо всем журналистам Панамы, но особенно М. Корea, М. Торрихосу и О. Кобредо. «Три добрых либерала, три католика», как окрестила их пресса, сделали многое, чтобы вызвать у читателей огромный интерес к нашей стране. Их честные, правдивые корреспонденции, очерки и репортажи о поездке по Советскому Союзу обошли газеты, звучали по радио, передавались по телевидению.

Особенно тепло были приняты материалы Моисеса Торрихоса, опубликованные в буржуазной газете «Критика». На ежегодном конкурсе, который проводится синдикатом журналистов, ему единодушно присудили две первые

лоской территории у одного из важнейших в мире торговых путей. Но наиболее ловкими и коварными оказались американцы. В 1903 году США приобрели «вечное право на использование, оккупацию и контроль над зоной... шириной по 5 миль на каждой стороне канала». Так появилась колония США на Панамском перешейке.

Плодородная земля Панамы щедро родит бананы, апельсины, кофе, какао, сахарный тростник. Но все достается зеленому спруту—американской «Юнайтед фрут компани». Бухты и заливы полны рыбы и креветок. Название страны — Панама — означает «обилие рыбы». В Панамском заливе установлено 20 мировых рекордов по рыбной ловле. Но добытая рыба вместе с креветками доставляется в США.

— Что же остается тем, кто выращивает фрукты, ловит рыбу, строит здания, создает своим трудом все богатства? — не раз спрашивали мы журналистов.

— Крохи, и вы убедитесь в этом сами,— ответил Борис Морено, сопровождавший нас.

Шумная, многолюдная торговая авенида Сентраль протянулась на километры. По обе стороны — кафе и закусочные, откуда вырывается аромат жареных бананов.

ются два флага — панамский и США. А на холме гостиница «Тиволи» — уже другое государство.

Улица, ведущая к гостинице, огорожена металлической решеткой. Местами тянется бетонная стена.

— Железом и бетоном разгорожена на две части наша столица,— говорит журналист.— Вся страна разрезана зоной канала. Эта трагедия началась шестьдесят два года назад. Отрезанная территория города переименована и называется Бальбоа. И вот одна сторона улицы иностранная, другая — наша.

Наше внимание привлекли стены парламента, покрытые крупными оспинами, обведенными красными кружками.

— Это следы пуль,— пояснил Борис Морено.— В январе 1964 года здесь произошло массовое убийство мирных жителей.

Началось все так. У одного из школьных зданий американцы подняли свой флаг, «забыв» вывесить панамское знамя. Это была провокация. А когда группа юношей и девушек — панамцев попросила у властей зоны разрешения исполнить около здания гимн и поднять национальный флаг, на них набросились агенты американской военной полиции. Они сорвали панамское знамя. Раздались выстре-

разрушенных. Каждая пробоина, каждая пядь земли, обагренная кровью патриотов, обведены теперь красными кружками. Их много, этих свидетельств неспровоцированной агрессии.

Авенида Кеннеди, где с особой жестокостью орудовали американские убийцы, в народе зовется теперь авенидой Мучеников.

Кровавые январские события американцы называли «волнениями из-за флага». В действительности это была настоящая война. Панама разорвала дипломатические отношения с Вашингтоном. Совет Безопасности разбирал жалобу на агрессию.

— За сутки,— говорил нам университетский профессор,— мы поняли и узнали больше, чем за десятилетие.

За стеной оккупантов

На панамском гербе изображен канал и написано: «На благо мира». Но благами пользуются лишь Соединенные Штаты Америки. Канал обеспечивает им 100 миллионов долларов в год чистого дохода. В виде подачки Панаме выплачивают «за аренду» два миллиона. А сколько загребают американцы на беспошлинном ввозе в зону канала товаров, осо-

бенно виски и других спиртных напитков!

Панамцы считаются в зоне людьми низшего сорта. Их держат на тяжелой черной работе. Американский специалист получает по восемь долларов в час, панамец — в двадцать раз меньше.

Зона канала превращена в военную крепость. Здесь расположены аэродромы, ракетные установки. Некоторые форты — центры подготовки шпионов и диверсантов. В печати не раз появлялись сообщения, что там солдат и офицеров обучают тактике войны в джунглях и уличным боям. Отсюда направляются парашютисты во Вьетнам. Здесь же готовят кадры для так называемых межамериканских сил. Они проходят курс «борьбы с беспорядками», их учат пытать и истязать патриотов.

Возвращаясь из зоны, я просматривал газету «Панама — Америка». Ниже заголовка бросалась в глаза фраза, взятая в рамку: «Независимая. Распространяет правду, которую другие скрывают». Газета как газета. Она, как и все другие, контролируется шестью богатейшими семьями страны. Все полосы заполнены материалами американских агентств.

В газете опубликованы любопытные фотографии. На них показано, как в одной из школ, расположенной в зоне канала, «эксперты» из США обучают солдат преодолевать зараженную местность, выбрасываться с парашютом над лесными массивами.

— Они все время держат против нас палец на пулеметной гашетке,— сказал сопровождавший нас оператор телевидения.— Мира у нас не будет, пока не будет признано наше право на канал, пока из Панамы не уйдет последний американский солдат.

Американская пропаганда запугивает, пытается доказать, что уход США был бы равнозначен катастрофе для Панамы. Пускается в ход старая басня: канал не может пропускать большие корабли и слишком уязвим. Появляются сообщения о возможной постройке нового канала в другом месте.

Многие месяцы ведутся переговоры между США и Панамой о канале. Панамские представители не раз перетасовывались: неуступчивых заменяли более сговорчивыми. Доходили тревожные слухи, что наряду с официальными переговорами ведутся тайные. В канун годовщины массового убийства заговорили «о прогрессе вашингтонских переговоров». Но никакого просвета не было. И обмануть никого не удалось. Тысячи студентов и жителей города 9 января 1965 года прошли по улицам и площадям, обагренным кровью в 1964 году. Они сожгли американский флаг и предупредили, что не позволят подписать никаких соглашений, если они не предусматривают уничтожения конвенции 1903 года.

В сентябре появилось долгожданное совместное заявление Роблеса — Джонсона. Два президента излагали условия для дальнейших переговоров. Джонсон, кажется, согласен сделать уступки «сверху» и заменить старую конвенцию. Но тут же навязывается заключение трех новых договоров. Первый связан с существованием нынешней зоны канала. Второй — соглашение о военных базах и статусе американских войск в Панаме. И третий — о строительстве и эксплуатации нового канала на уровне моря.

Декларация двух президентов вызвала новую бурю протестов. Видные ученые, публицисты, адвокаты, дипломаты, политические деятели справедливо отмечали, что уступки США ограничиваются лишь тем, что сами американцы считают отжившим.

Панама бурлит и поныне. В студенческих аудиториях, на массовых митингах проходят дискуссии. Тысячи людей устраивают манифестации против декларации Роблеса — Джонсона. Мы были очевидцами факельных шествий молодежи по площадям и улицам столицы. Нам довелось присутствовать в университете, где две тысячи студентов с пристрастием допрашивали участников вашингтонских переговоров. Каждая попытка оправдать декларацию вызывала взрыв негодования. Люди требовали:

— Отмена конвенции 1903 года — да! Военный договор — нет!

Придет конец «зоне трагедии»!

Невзгоды закалили трудолюбивых, честных панамцев, сделали их еще более упорными.

Дважды мы беседовали с ректором университета профессором Бернардо Ломбардо. Три десятилетия существует эта высшая национальная школа. И все годы он провел в ее стенах. Студенты видят в нем своего любимого преподавателя и руководителя.

— Мы должны,— говорит Бернардо Ломбардо,— воспитать из нашей молодежи образованных, деятельных, патриотически настроенных юношей и девушек, готовых к борьбе за интересы родины.

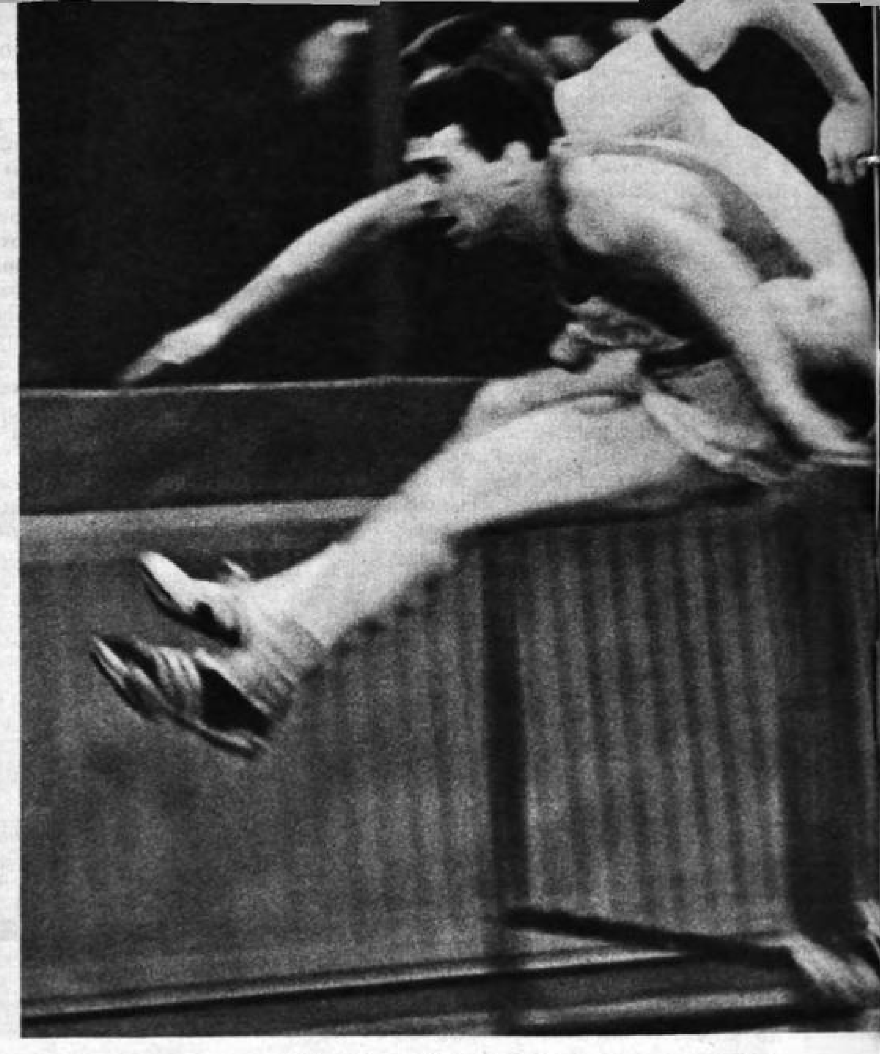
Такой же верой в молодежь, в ее способности проникнута донья Люсия Согардарес. Ей первой удалось доказать, что панамская женщина может учиться наравне с мужчиной и стать врачом. Теперь Люсия Согардарес — ведущий медик страны, всеми уважаемый руководитель кафедры в университете.

Во время осмотра национального госпиталя нас познакомили с Родриго Морено. Ему 35 лет. Был министром здравоохранения. Теперь он главный врач госпиталя. Морено провел нас по всем этажам девятиэтажного красивого здания, показал кабинеты, оборудованные по последнему слову техники, рассказал о сложных операциях, которые проводятся здесь. И с гордостью заметил:

— Все, что вы видели, создано руками панамцев, на средства панамцев. Все врачи и техники здесь — тоже панамцы.

Главный врач не преувеличивает значения того, что сделано. В стране все еще не хватает больниц и медицинского персонала. На десять тысяч жителей приходится пока всего 4 врача и 7 медсестер.

Наши встречи с горожанами — студентами, врачами, учеными, журналистами — убеждали в одном: неодолимо их стремление к назревшим переменам. Об этом мечтают, это воспевают в песнях, за это борются.



Марсель Дюриез ведет борьбу с Вячеславом Скомороховым и Валентином Чистяковым.

ЖАРКАЯ ЗИМ

В. ВИКТОРОВ

Фото А. БОЧИНИНА.



Морис Люро впереди.

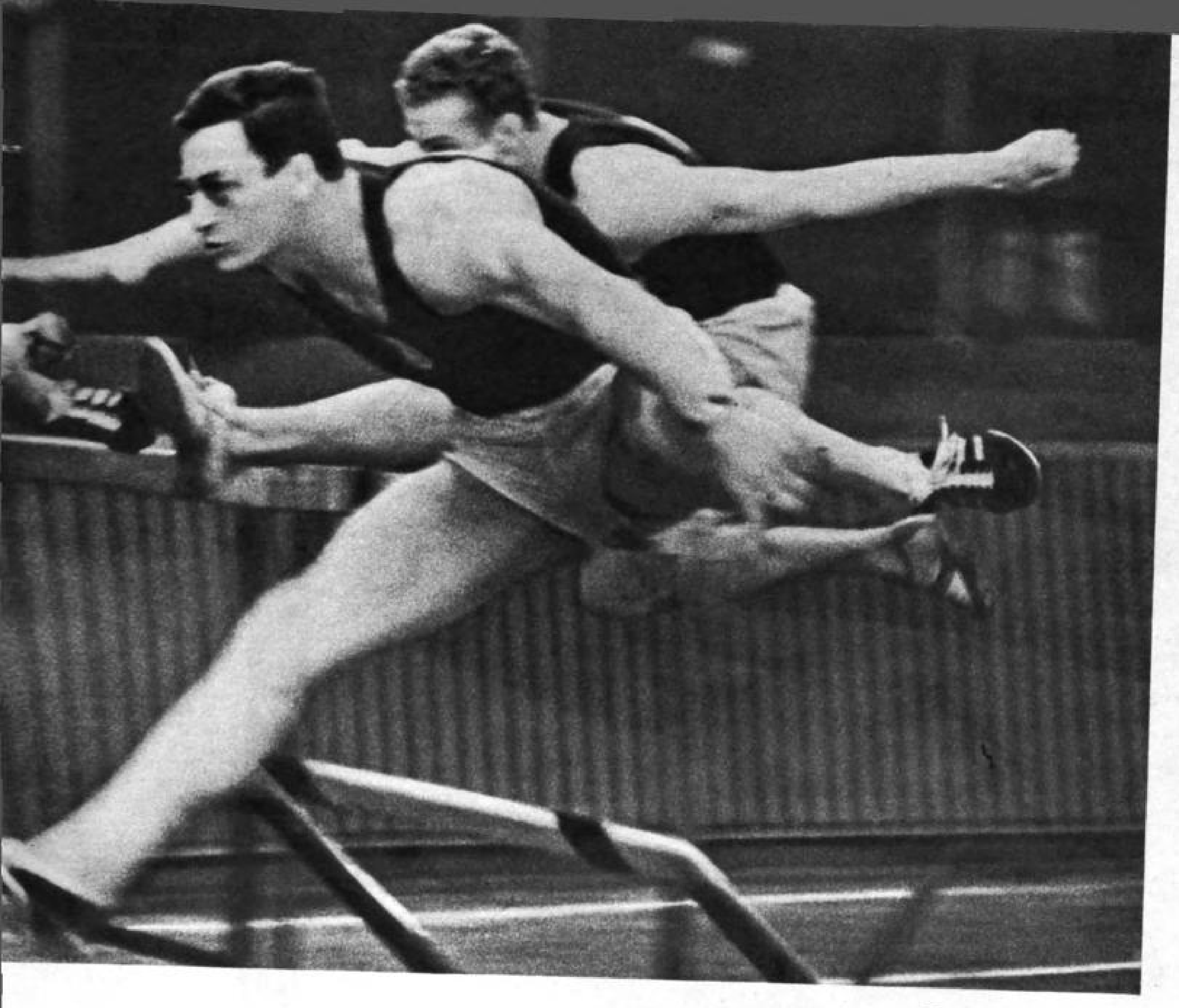
Да, иначе не скажешь — зима у легкоатлетов выдалась поистине жаркой. Судите сами: вместо обычной долгой передышки до марта целая серия встреч, да еще международных. Турне наподобие традиционного по четырем лыжным трамплинам. Только на сей раз вместо трамплинов легкоатлетические манежи Таллина, Риги, Каунаса и Москвы. И вот половина этого турне перед вами.

За две недели четыре старта! Такое невиданное изобилие, видимо, напугало кое-кого, потому что мы не увидели в Таллине ни наших лучших прыгунов в высоту, ни знаменитых шестовиков. Результаты такой бережливости не замедлили сказаться: на пьедестал почета поднялись три французских мушкетера — барьерист Марсель Дюриез, бегун на средние дистанции Морис Люро и шестовик Эрве д'Анноссе,— а также восемнадцатилетний прыгун в высоту из Чехословакии Рудольф Баудис.

В Риге состав участников значительно пополнился, но надо сказать, что и там хозяевам не везде удалось потеснить гостей. Снова, как и летом, мы смогли

Валерий Скворцов на высоте 2 метра 16 сантиметров.







Прыгает Эрве д'Анкосс. ▶

А ЛЕГКОАТЛЕТОВ

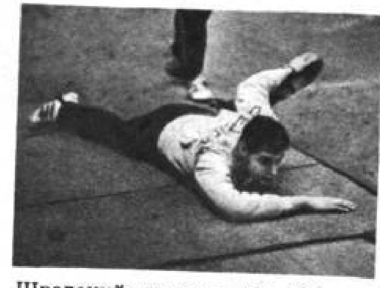
убедиться в том, что с бегом у нас не все ладно. Особенно убедительно сумел это нам доказать Морис Люро. Удивительно широк скоростной диапазон этого прекрасного бегуна. Несмотря на высокий темп, у него всегда остается неприкосновенный и довольно солидный запас быстроты для последней прямой, на которой он мгновенно превращается из средневика в спринтера. Правда, два наших бегуна — украинец Евгений Абонин и Янис Якубовас (Латвия) — дали жару французу, дважды вырывая у него инициативу в беге на одну милю. В конце концов они обошли его на финишной прямой, но особенно ликовать нам нет смысла: Люро не услышал гонга и решил, что у него в запасе еще один круг. Во всяком случае, на следующий день Морис Люро взял убедительный реванш в беге на километр.

Еще более убедительным было выступление на рижской дорожке барьериста Марселя Дюриеза, который, так же как и в Таллине, завоевал первенство. А у него ведь соперниками оказались такие отличные бегуны, как Валентин Чистяков и Вячеслав Скоморохов. Преподаватель физкультуры частной гимназии маленького французского городка в отличной спортивной форме и сочетает высокую скорость на старте с безукоризненной техникой преодоления барьеров.

Но гвоздем рижских соревнований, бесспорно, оказались прыгуны. Трем тысячам зрителей, заполнившим ряды нового, прекрасно оборудованного манежа, могло показаться, что у них над головой голубое летнее небо, а не крыша. Разве можно показывать такие результаты зимой? Оказывается, можно!

Первые заместители Валерия Брумеля чемпион страны Андрей Хмарский и Валерий Скворцов на высоте 2 метра 10 сантиметров остались вдвоем у планки. Шведы Чел-Оке Нильссон и Бу Юнссон, чехословацкий прыгун Рудольф Баудис и все другие должны были перейти на места зрителей. И в результате Валерий-второй установил свой личный рекорд, взяв высоту 2 метра 16 сантиметров. А на высоте 4 метра 80 сантиметров вынуждены были упрятать свои шесты в чехлы и все соперники Геннадия Близнецова и Игоря Фельда. Борьба этих двух прыгунов была поистине великолепна, а исход ее говорит сам за себя: два неизменных соперника и верных друга взяли высоту 4 метра 90 сантиметров, установив новое всесоюзное достижение (предыдущее — 4 метра 88 сантиметров — принадлежало Близнецову).

Турне четырех манежей, в котором приняли участие спортсмены шести стран,— отличный подарок как легкоатлетам, так и зрителям. И надо надеяться, что под крышами наших зимних стадионов эти встречи станут традиционными.



Шведский прыгун Бу Юнссон на разминке.

Три тысячи метров позади. Г. Хлыстов, молодой рижский стайер, первый на финише.



Все как летом: таллинская дорожка была в полном порядке.



Маленькие рижанки вручали победителям цветы.





ПОПРОШАЙКИ

Летом минувшего года в Целинном крае я наблюдал любопытные сценки. Каждый вечер из окрестных лесных чащоб в пансионат «Ясная Поляна», расположенный на берегу озера Боровое, приходили медведи. Как видите, между отдыхающими и лесными гостями установилась довольно тесная дружба.

А. ФЕДУЛОВ
Фото автора.





ХОЧУ ИГРАТЬ, КАК ПЕЛЕ

Швейцарский спортивный клуб «Сион» имеет в составе своей футбольной команды одну женщину. Мадо, как прозвали ее футболисты, отлично бьет левой и правой ногой. Она мечтает играть, как Пеле.

ЭМИР НА ПРИЕМЕ

Этого коня зовут Эмир. В благодарность за долгую службу в полиции его пригласили на прием в кабинет, который находился на третьем этаже, где Эмира ждало приятное угощение. Необычное чествование произошло недавно в городе Мнихове (Чехословакия).

мелочи

забавные



САПОГИ — ШАХМАТНАЯ ДОСКА

Сапоги, изображенные на снимке, выпущены в Западной Германии.



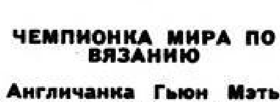
ВЕНЧАНИЕ НА КАНАТЕ

Перед вами на снимке запечатлен момент вступления в брачный союз молодой пары из западногерманского цирка «Трабер-Бенц». Рядом с ними священник, который поднялся по пожарной лестнице.

ЧЕРЕПАХИ НА БАЛТИКЕ

Редкостная добыча попалась в сети датского рыбака Гвиде Занде — 350-килограммовая черепаха. Такой же сюрприз ожидал двух рыбаков из ГДР — Хайдена и Фенца, промышлявших, как и Гвиде, в Балтийском море. Они выловили черепаху с кожаным панцирем, которая весила четыре с половиной центнера.





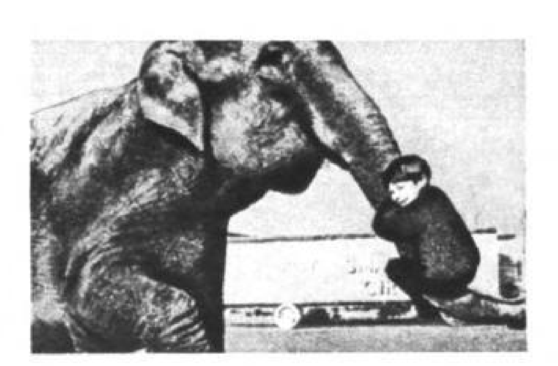
ЧЕМПИОНКА МИРА ПО ВЯЗАНИЮ

Англичанка Гьюн Мэтьюмэн объявлена чемпионкой мира по ручному вязанию. За год она связала 49 свитеров, 25 жакетов, 22 пальто и 10 одеял для детей, 5 пар перчаток, 5 пар носков, 5 шапок, 2 платья и 2 халата. Вся шерсть, использованная Мэтьюмэн в 1965 году, весит более 45 килограммов.



ЖИВЫЕ КАЧЕЛИ

Сын артиста Лондонского цирка Гарри — большой приятель слонихи Бармы. Особенно Гарри любит покачаться на хоботе.





Георгий ГУЛИА

МЫ ТОЖЕ ВСЮ НОЧЬ ТАНЦЕВАЛИ

Когда у нас родился второй ребенок, мы с женой решили воспитать его по-иному. Не так, как дочь, которой все ночи пели песни, укачивая в абхазской люльке.

Наш молодой человек, на наш взгляд, нуждался в спартанском воспитании, поскольку он был настоящий мужчина. Решили твердо: без песен, без укачивания! Наши друзья из Германской Демократической Республики подали блестящую идею, которую сами проверили на практике. Идея эта столь же проста, сколь практична, и весьма привлекательна.

— Мы делаем так,— сказала фрау Клара.— Накормили ребенка, уложили в постель, а сами идем работать в соседнюю комнату.

— И даже танцуем,— добавил ее муж.

— Он там занимается своим делом, а мы — своим.

— А если заплачет?—спросил я.

— Кто заплачет?

— Ребенок.

— Ах, ребенок!

— Разве ваш не плачет?

— Ганс,— обратилась она к мужу,— наш ребенок плачет?

Он подумал. Улыбнулся. И коротко сказал:

— Не плачет, а ревет. Как белуга!

— Какой ужас! — воскликнула моя жена.

— Почему ужас? — удивилась Клара.— Ребенок всегда плачет. На то он и ребенок! Но вы не обращаете внимания. Он плачет, а вы своими делами заняты. Вы как бы заткнули уши ватой.

— А он плачет?

— Плачет.

— А вы ноль внимания?

— Круглый ноль,— сказала Клара. Ганс кивнул.— Потом ему это надоест, и он перестанет кричать. Он решает спать и не тревожить вас...

— И понемногу,— продолжил Ганс ее мысль,— он воспитывается так, как надо.

Этот метод нам очень понравился, и мы сказали себе: будем воспитывать по-немецки, так, как это делают Клара и Ганс.

— Они даже танцевать успевают,— сказала моя жена с неимоверной завистью к Кларе.

В один прекрасный вечер мы уложили в постель нашего молодого спартанца, а сами удалились на кухню пить чай. (Это очень приятно — прихлебывать чай возле шипящего чайника.)

Через десять минут из-за стены донесся писк. Вроде мышиного.

Мы — ноль внимания. Сидим и болтаем себе.

Вскоре нашу мышь кто-то подменил: подсунули кошечку, такую визгливую.

Мы—ноль внимания. Ибо хорошо помним совет Клары и Ганса — никакого внимания.

Кошечка быстро вырастает в кошку. На протяжении десятка минут. О боже, откуда эта кошка?!

Однако же мы — ноль внимания.

— Послушай,— говорю я жене,— давай посмотрим, кто там в нашей комнате.

— Как кто?! Конечно, Жора!

— Ты уверена?

Нет, она не очень уверена. Наш Жора не может визжать по-кошачьи. О дорогие Клара и Ганс, мы следуем вашему примеру: мы начинаем танцевать. Под радио. Прямо на кухне. Я поворачиваю ручку приемника на полную громкость.

Па, еще па... Черт бы побрал этот полуночный танец! Мы же не лунатики!

Вскоре кошку сменяет тигрица. Она рычит. Угрожающе рычит. Откуда взялась тигрица? Все можно стерпеть, но только не ее рычание.

И мы торопимся в комнату. Мальчик весь красный от натуги. Оказывается, это он изображал и мышь, и кошку, и тигрицу!

— Что с ним? — испуганно говорит жена.

Она берет на руки ребенка. Целует его. Умоляет успокоиться. Но черта с два! Он не желает успокаиваться. В нем уже успели поселиться тигрица, лев и еще бегемот! Он задает такой концерт, что невозможно описать...

Вот тогда-то начинается настоящий танец. Жена на руках укачивает его, пританцовывая. Через полчаса эстафета вручается мне. Я танцую минут пятнадцать. А больше не могу, хоть убей!

Мальчик переходит к ней...

Потом ко мне...

Потом снова к ней...

И так всю ночь... И так всю ночь...

Мы уже клянемся:

— Больше не будем! Больше не будем!..

Но куда там! Он ревет, а мы все танцуем.

До самого рассвета.

Под визг, мурлыканье и рев. Под музыку неподражаемого джаза.

КРОССВОРД

ПО ГОРИЗОНТАЛИ:

4. Итальянский астроном. 7. Река в Индии. 8. Музыкальный инструмент, распространенный в Средней Азии. 9. Небольшая железнодорожная станция, полустанок. 13. Автор оперы «Турандот». 14. Приток Амазонки. 16. Остров в Эгейском море. 17. Вязь из нескольких букв. 18. Курорт на берегу Финского залива. 20. Матросская куртка. 22. Объявление о спектакле. 23. Атмосферный вихрь. 25. Материк. 28. Иранский поэт. 29. Тригонометрическая функция. 30. Животное, обитающее в тропической Африке.

ПО ВЕРТИКАЛИ:

1. Изобретатель фортепьяно. 2. Единица электрической емкости. 3. Участок, ограниченный радиальными линиями. 5. Вес товара вместе с упаковкой. 6. Помещение на судне. 9. Шутливое выражение, употребляемое для оживления речи, разговора. 10. Краткая характеристика книги, статьи. 11. Пустыня в Казахстане. 12. Зодиакальное созвездие. 14. Горная порода, применяемая для полировки, шлифовки. 15. Молодежный журнал. 19. Водная оболочка Земли. 21. Рыба семейства ставридовых. 24. Персонаж пьесы М. Горького «На дне». 26. Металл. 27. Русский писатель XIX века.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 4

ПО ГОРИЗОНТАЛИ:

4. Собинин. 7. Просо. 8. Дебют. 10. Тонна. 11. «Саша». 12. Зубр. 14. Птичь. 16. Куросно. 19. «Соловей». 21. Центрифуга. 22. Хризантема. 24. Познань. 26. Амарант. 28. Роман. 30. Удод. 32. Даль. 33. Бурав. 34. Рондо. 35. Инари. 36. Кольцов.

ПО ВЕРТИКАЛИ:

1. Бригантина. 2. Конотоп. 3. Миндаль. 5. Роса. 6. «Обоз». 7. Плато. 9. Табло. 13. Пуансон. 15. «Деревня». 17. Сюита. 18. Омуль. 19. Скипа. 20. Луара. 23. «Эсмеральда». 25. Надир. 27. Ралли. 28. «Рыболов». 29. Новиков. 31. Дина. 32. Драп.

На первой странице обложки: Ромен Роллан, покидая Москву, прощается с А. М. Горьким. Июль 1935 года.

Фото М. Озерского.

На обложке «Огонька» № 4 за 1936 год был помещен портрет Роллана и его приветствие журналу. Здесь мы воспроизводим этот автограф писателя.

На последней странице обложки: Маленький Боря — сын оленевода из совхоза «Оленек» в Якутской АССР.

Фото В. Зунина.

«ЧЕТЫРЕ ПОДПИСИ»

Под таким заголовком в журнале «Огонек» № 40 за 1965 год была опубликована статья государственного советника юстиции III класса Ю. Шубина. В ней, в частности, шла речь о недостойном поведении инженера-строителя П. Л. Райского. Недавно он в судебном порядке попытался опровергнуть факты, «порочащие его честь и достоинство». Суд счел требование П. Л. Райского — опровержение всего содержания статьи — необоснованным. Однако в ходе проверки было установлено, что по недосмотру автора в статье допущена неточность. В пьяном виде за руль машины П. Л. Райский сел в новогоднюю ночь не 1964 года (из статьи можно было сделать и такой вывод), а 1962-го. При этом документами не подтверждено, что П. Л. Райский сбил пешехода.

ЗАПОВЕДНАЯ КРАСОТА

(Начало см. на 2-й стр. обл.)

Молодое искусственное море сковано льдом. Наши сани пересекли залив. Перед нами встал бор. В своем снежном убранстве лес казался сработанным вологодскими мастерицами.

Дарвинский заповедник. Надпись: «Входить нельзя! Зона абсолютной заповедности».

Мы въехали в центральную усадьбу. Навстречу нам мчался рысак с красными и голубыми цветами на дуге. В санях восседали молодые. Мы поняли: в заповеднике свадьба. Вскоре нам принесли приглашение от невесты и жениха — ихтиолога Лили Александровны Прядильщиковой и геофизика Владимира Михайловича Дидковского. И сказали: «Вся «наука» на свадьбе гуляет...»

«Наука» сидела за длинным столом. Нас знакомили: орнитолог Немцев, главный лесничий Куднова, зоолог Калецкая, таксидермист Кочин. Садовод, лаборантки, инженер лесного хозяйства... Эти люди хранят море и лес, зверя и птицу. Сейчас они танцевали финскую польку и говорили нам: «Зимой вы многого не увидите. Всё спит под снегом...» И кто-то добавил: «Закрыта книга природы... Вот летом...»

В ТАЙГЕ СЕГОДНЯ УЧЕТ

— Хотите знать лес?— сказали нам.— Становитесь на лыжи и айда на кордон. Зимой тайга — как белая бумага, а следы — буквы. Прочтете их — узнаете наш заповедник.

Рассвет красит стволы берез. Идем на широких самодельных лыжах. Впереди кандидат биологических наук Мариам Львовна Калецкая. О Мариам Львовне говорят, что она не боится ни шторма в море, ни зверя в лесу.

Мариам Львовна может вылечить тяжелобольного — недаром была фельдшером всю войну,— снять кинофильм о змеях, править бешеным рысаком и ночь напролет говорить о Грине...

Калецкая держит в уважении к науке всех лесников обширного заповедника. Это настоящая хозяйка тайги.

...Солнце, ворсистый снег, кажущийся серым от множества мелких, сетчатых теней, вспорот ярко-белым следом крупного зверя.

— Лоси прошли.— Калецкая наклоняется к следам, сдувает иней.— Недавно прошли. Мать и двое лосят. Здесь они отдыхали. Видите, лёжки в снегу. А тут кормились: ивнячок острижен, как ножницами. У нас лосей, что автомобилей в Москве...

На специальной карточке с линией своего маршрута Калецкая чертит стрелку — направление следов — и ставит цифру три.

Сегодня день учета животных и птиц. Он проводится в заповеднике раз в зиму по свежей ночной пороше. Накануне все восемнадцать лесников были предупреждены по телефону. Мобилизованы специалисты. С рассветом все вышли в тайгу на лыжах — карточка за поясом, карандаш и компас в кармане. Каждому надо пройти свой маршрут засветло, много километров. По тридцатиградусному морозу. Тайга требует не только знаний, но и выносливости.

Мариам Львовна отмечает на карте след горностая. А тут бежала куница. Крупные следы ее напоминают отпечаток детских ног в тупоносых ботинках. Вот ромбовидный след белой куропатки. «Она на зиму валенки надевает»,— шутит Калецкая. А там пробежала белка, лиса за зайцем гналась...

К вечеру четыре страницы карточки заполнены значками следов самых разных зверей и птиц. Отмечен медведь-шатун и тетеревиное токовище.

Солнце огненным глазом выглядывает из-за темных елей и наконец меркнет. Теперь люди возвращаются из тайги на кордоны и в Борок — на центральную усадьбу заповедника. Обработка карточек наблюдений, анализ и расчет позволят ученым узнать численность каждого вида животных в заповедной зоне. Заповедник и охотничьи хозяйства области получат рекомендации. Этого зверя щадить — не стрелять, а этого развелось много, можно произвести отстрел.



— Глянь: вся «наука» на свадьбе гуляет!

Мчатся в санях молодые...



— Надо считать наши богатства,— говорит Калецкая.— Это бережет природу и позволяет пользоваться ею по-хозяйски.

Нет, не закрыта зимой книга природы. Умело читают ее люди заповедника.

ХАРАКТЕР У ГЛУХАРЯ ТЯЖЕЛЫЙ

— Если говорить о гербе Дарвинского заповедника, то наш герб — глухарь,— сказал орнитолог Вячеслав Васильевич Немцев. Он ученый, хозяин заповедной птицы, блестящий натуралист, страстный охотник. Однако он охотно отложит ружье, чтобы взять фотоаппарат или бинокль, откажется от выстрела, лишь бы увидеть и понять.

Немцев занимается проблемой, о которую многие ученые «сломали зубы». Ни в одном зоопарке мира нет глухарей: мрут. Эта птица любит свободу больше, чем орел или сокол.

— Характер у глухаря тяжелый,— рассказывает Немцев.— Обреченная птица: исчезает с лица земли. У нас цель — получить и вырастить в неволе потомство глухаря. Работу начали три года назад. Весной все наблюдатели заповедника вышли в тайгу. Собирали в термосы яйца глухарей. Коричневые, чуть побольше куриных. Потом яйца подложили под беспородных кур. И вот в питомнике вывелись птенцы глухаря. А потом все погибли.

Наступила вторая весна. Мы уже действовали иначе. Глухарей и глухарок, пойманных осенью, поместили в просторные выгулы. Выгул не клетка. Это почти свобода. Вылупились птенцы, стали подрастать. Но как защитить потомство от болезней, мы не знали, и птица стала погибать. Советовались со многими ветеринарами. А болезни так и не разгадали. Не знаем глухаря, не изучена его биология.

Пришла третья весна. Снова удалось получить потомство. И снова не смогли спасти глухарей от неизвестной болезни. Осталось лишь несколько птиц. Как-то на рассвете я сел в моторную лодку и морем поплыл в Весьегонск. Я вез трупы двух глухарей в целлофановых мешках со льдом. А потом на самолет — и в Ленинград, к профессору Циону. Ему удалось выделить возбудителя кишечного заболевания и приготовить нам вакцину. Жду сейчас новой весны, нового сражения...

РАЗГОВОР ПЕРЕД ОТЪЕЗДОМ

Самое страшное оскорбление здесь, если скажут о человеке: «Он к природе равнодушный». А лучшая похвала звучит примерно так: «Он душу свою заповеднику отдал».

Перед отъездом я познакомилась еще с одним человеком — председателем рыболовецкого колхоза «Луч» Н. Н. Кузиным. Он не сотрудник заповедника, а просто его друг. Ученые рассказывают: «Рыбаки слушают голос заповедника. Мы — фабрика молоди для Рыбинского моря. «Луч» ловит в наших водах по-хозяйски. Запрет для него закон: когда нерест идет, он на рыбу не покушается. Держит первое место в районе не только по плану, но и по сознательности».

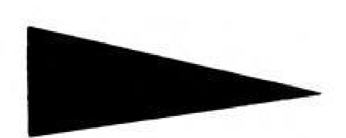
...Едем морской равниной к далеким лункам, между которыми рыбаки ставят тридцатисемиметровые сети. Председатель «Луча» правит лошадью. Рядом с председателем сидит главный лесничий заповедника Валентина Федоровна Кудинова. К ней Кузин часто приезжает держать совет насчет рыбы. Кудинова говорит: «А я людям не устаю повторять: «Лови рыбу, но чтоб море не оскудело, руби деревья, чтобы лес оставался, зверя бей, да так, чтобы водился в тайге... Хранить природу — большая забота».

Директор заповедника В. В. Криницкий.



Широкой рысью по Рыбинскому морю.





В музее заповедника, как живые, сидят чучела птиц и зверей.

Хозяйка тайги М. Л. Калецкая.



Выдра.



Борок. Здесь живут ученые.

«Оружие» орнитолога В. Немцева.



Главный редактор — А. В. СОФРОНОВ.

Редакционная коллегия: И. В. ДОЛГОПОЛОВ (главный художник), Б. В. ИВАНОВ (заместитель главного редактора), Н. Н. КРУЖКОВ, Л. М. ЛЕРОВ, В. Д. НИКОЛАЕВ (ответственный секретарь), И. Ф. СТАДНЮК (заместитель главного редактора), Л. Л. СТЕПАНОВ, Н. П. ТОЛЧЕНОВА.

Адрес редакции: Москва, А-15, Бумажный проезд, 14.
Рукописи не возвращаются. Оформление А. КОВАЛЕВА.

Телефоны отделов редакции: Секретариата — Д 3-38-61; Отделы: Внутренней жизни — Д 3-37-61; Международный — Д 3-38-63; Искусств — Д 0-46-98; Литературы — Д 3-31-10; Информации — Д 3-32-45; Библиографии — Д 3-38-26; Науки и техники — Д 0-14-70; Юмора — Д 3-32-13; Спорта — Д 3-32-67; Фото — Д 3-39-04; Оформления — Д 3-38-36; Писем — Д 3-36-28; Литературных приложений — Д 3-30-39.

А 10512. Подписано к печати 26/I 1966 г.
Формат бум. 70 × 108¹/₈. 2,5 бум. л. — 6,85 печ. л.
Заказ № 203. Тираж 2 000 000. Изд. № 36.

Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина.
Москва, А-47, ул. «Правды», 24.



Цена номера 30 коп.

Индекс 70663